Б. [illegible]

ЦЕРКОВЬ
"
ФЕЕРАЛ РЕВЛЮЦ.

Q 35
R/220

R 35/220

Борис Кандидов

R35
220

Церковь и Февральская революция

ОГИЗ • ГАИЗ • 1934

2020075482

Центральный совет Союза воинствующих безбожников СССР

Р 35/220

Борис Кандидов

Церковь и Февральская революция

Классовая позиция православной церкви в период февраль — август 1917 г.

Материалы и очерки

51-3386

ОГИЗ
Государственное антирелигиозное издательство
Москва — 1934

ВСЕСОЮЗНАЯ БИБЛИОТЕКА имени В. И. Ленина
31.8883

От автора

В статье «Об отношении рабочей партии к религии» т. Ленин определяет религиозные организации как «органы буржуазной реакции, служащие защите эксплоатации и одурманиванию рабочего класса».

Изучение прошлого, опыт гражданской войны и современная действительность подтверждают правильность вышеприведенных слов. Насквозь лживое поповское определение, что церковь есть «общество верующих»,— это «определение» в свете исторической действительности и всех фактов современности не выдерживает никакой критики.

Для разоблачения классовой сущности религиозных организаций большой интерес представляет эпоха Февральской революции и последовавший затем до осени 1917 г. период.

Как встретила церковь падение самодержавия?

Какие отношения установились между буржуазным Временным правительством и духовенством?

Как относилась церковь к политическим партиям предоктябрьской эпохи?

Какова была роль духовенства в классовой борьбе тех дней?

В настоящей брошюре, дающей ряд очерков по отдельным вопросам темы и не являющейся работой исследовательского характера, автор делает попытку вкратце ответить на вышеуказанные вопросы и обрисовать на основании документальных материалов действительную роль православной церкви в период Февральской революции, весной и летом 1917 г. Классовая позиция церкви в период корниловского движения в настоящих очерках не получила освещения, так как выходит за пределы темы и будет предметом отдельной работы.

1

Февральская революция

В феврале 1917 г. самодержавие было низвергнуто. Буквально в несколько дней была разбита власть, много лет державшая под помещичье-полицейским сапогом миллионы рабочего и крестьянского населения нашей страны.

В «Письме издалека», написанном Лениным под впечатлением первых известий о революционных событиях, с исчерпывающей полнотой и ясностью были обрисованы движущие силы революции и дана характеристика современного этапа. Среди условий, определивших свержение царизма, в первую очередь Ленин указывал на опыт революции 1905—1907 гг.

«Без трех лет величайших классовых битв и революционной энергии русского пролетариата 1905—1907 гг. была бы невозможна столь быстрая, в смысле завершения ее *начального* этапа, в несколько дней, вторая революция. Первая (1905 г.) глубоко взрыла почву, выкорчевала вековые предрассудки, пробудила к политической жизни и к политической борьбе миллионы рабочих и десятки миллионов крестьян, показала друг другу и всему миру *все* классы (и все главные партии) русского общества в их действительной природе, в действительном соотношении их интересов, их сил, их способов действия, их ближайших и дальнейших целей. Первая революция и следующая за ней контрреволюционная эпоха (1907—1914 гг.) обнажили всю суть царской монархии, довели ее до «последней черты», раскрыли всю ее гнилость, гнусность, весь цинизм и разврат царской шайки с чудовищным Распутиным во главе ее, все зверство семьи Романовых — этих погромщиков, заливших Россию кровью евреев, рабочих, революционеров, этих «первых среди равных» *помещиков*, *владеющих миллионами* десятин земли и идущих на все зверства, на все преступления, на разорение и удушение любого числа граждан ради сохранения этой своей и *своего класса* «священной собственности» [1].

Вместе с тем Ленин подчеркивал, что мировая империалистическая война была тем «всесильным режиссером», который ускорил развитие исторических событий, создал ряд величай-

[1] «Правда» № 14 за 1917 г. «Первый этап русской революции» («Письмо издалека»).

ших кризисов и обострил классовую борьбу пролетариата против буржуазии.

«Естественно, — писал Ленин, — что в царской России, где дезорганизация была самая чудовищная и где пролетариат самый революционный (не благодаря особым его качествам, а благодаря живым традициям «пятого» года), революционный кризис разразился раньше всего. Этот кризис был ускорен рядом самых тяжелых поражений, которые нанесены были России и ее союзникам. Поражения расшатали весь старый правительственный механизм и весь старый порядок, озлобили против него все классы населения, ожесточили армию, истребили в громадных размерах ее старый командующий состав, заскорузло-дворянского и особенно гнилого чиновничьего характера, заменили его молодым, свежим, преимущественно буржуазным, разночинским, мелкобуржуазным»[1].

Наконец надо иметь в виду позицию, занятую англо-французским империализмом и его связь с октябристским и кадетским капиталом. Романовская камарилья за годы войны показала свою гнилость и полную неспособность организовать «войну до победы», к чему стремились империалисты Антанты, а также российские капиталисты и помещики. Еще до февральских событий английское и французское посольства сделали ряд шагов для смещения Николая Романова, для установления более прочной и крепкой эксплоататорской власти.

В конечном счете, в Февральской революции, вследствие своеобразной исторической обстановки, против романовско-распутинской камарильи выступили «вместе» совершенно различные силы. С одной стороны — революционное движение масс во главе с пролетариатом, и с другой, как писал Ленин,—«заговор англо-французских империалистов, толкавших Милюкова, Гучкова и К° к захвату власти в интересах продолжения империалистической войны, в интересах еще более ярого и упорного ведения ее»[2]...

Свержение царского правительства было достигнуто героической борьбой пролетариата, и в первую очередь петербургских рабочих, руководимых большевиками. Именно большевики организовали борьбу на всех решающих участках, именно большевики сделали все возможное для привлечения солдатской массы на сторону революции. А это последнее обстоятельство решило успех борьбы. 27 февраля 1917 г. (по новому стилю 12 марта) является днем решающей победы.. В этот день восстали против царизма Преображенский, Волынский и Литовский полки. Был занят арсенал. Начались аресты министров и виднейших царских сановников. Состоялось первое заседание Совета рабочих и солдатских депутатов. С целью овладеть движением и встать во главе его совещание членов Государственной думы приняло решение организовать «Временный исполнительный комитет Государственной думы», а через несколько дней 2/15 марта Николай Романов под-

---

[1] «Правда» № 14 за 1917 г. «Первый этап русской революции».
[2] Там же.

писал манифест об отречении, и в этот же день окончательно сформировалось новое правительство.

В это правительство вошли виднейшие представители буржуазных партий. Председателем Совета министров являлся крупный помещик, князь Г. Л. Львов, министром иностранных дел — виднейший деятель кадетской партии П. Н. Милюков, военным и морским министром стал октябрист А. И. Гучков, министром финансов — миллионер-сахарозаводчик Терещенко и т. д.

Разоблачая классовое лицо Временного правительства, т. Ленин писал:

«Это правительство — не случайное сборище лиц. Это — представители нового класса, поднявшегося к политической власти в России, класса капиталистических помещиков и буржуазии, который давно правит нашей страной экономически»[1]...

Во Временное правительство при его образовании был включен также «социалист» Керенский. До Февральской революции он считался трудовиком, а после примкнул к социалистам-революционерам. Впоследствии состав Временного правительства был изменен и пополнен другими представителями мелкобуржуазных партий. Имея в своем числе социал-предателей Церетелли, Чернова и К°, Временное правительство с наибольшим успехом могло обманывать массы, продолжать империалистическую войну и вести борьбу против революционного движения в городе и деревне. В статье «Уроки революции», написанной в июле 1917 г., Ленин указывал, что «социалистические» вожди, входя в министерство буржуазии, непременно оказывались подставными фигурами, куклами, ширмой для капиталистов, орудием обмана рабочих».

Вся деятельность Временного правительства с первых же шагов его существования была направлена на охрану «устоев», на защиту интересов эксплоататорских классов. Представители Временного правительства пытались вести переговоры о сохранении монархии, заменив Николая Романова другим лицом. Командные места в армии были сохранены за ставленниками царизма. Государственный аппарат как в центре, так и в провинции, находился в руках буржуазии. Систематически саботировалась работа по созыву Учредительного собрания. Временное правительство поддерживало систему капиталистической эксплоатации, тормозило установление восьмичасового рабочего дня. Во всех конфликтах рабочих с предпринимателями представители правительства неизменно оказывались на стороне эксплоататоров. Рост революционного крестьянского движения встретил жестокий отпор со стороны ставленников правительства: были организованы карательные экспедиции против крестьян, захватывавших революционным путем помещичьи владения. Не было сделано буквально ничего для прекращения империалистической бойни. Временное правительство подтвердило тайные грабительские договоры, заключенные с другими капиталистическими государствами. Вопреки ясному стремлению масс к миру продолжалась война, сто-

[1] «Первый этап русской революции». «Письмо издалека».

вшая трудящимся чудовищных жертв. Таким образом как во внутренней, так и во внешней политике Временное правительство последовательно выполняло свое классовое назначение.

Основным вопросом революции являлся вопрос о власти. Как мы видели, в государственном масштабе власть была захвачена буржуазией; однако характернейшая особенность периода заключалась в наличии двоевластия. С первых же дней революции возникли Советы рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. Вот эти-то советы, избранные массой трудового населения в городе и деревне, и являлись другой властью, переживавшей период роста и укрепления.

«Самой главной особенностью нашей революции, — писал Ленин, — особенностью, которая наиболее настоятельно требует вдумчивого отношения к ней, является создавшееся в первые же дни после победы революции двоевластие.

Это двоевластие проявляется в существовании двух правительств: главного, настоящего, действительно правительства буржуазии, «Временного правительства» Львова и К°, которое имеет в своих руках все органы власти, и добавочного, побочного, «контролирующего» правительства в лице Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов, которое не имеет в своих руках органов государственной власти, но опирается непосредственно на заведомо безусловное большинство народа, на вооруженных рабочих и солдат.

Классовый источник этого двоевластия и классовое значение его состоят в том, что русская революция марта 1917 г. не только смела всю царскую монархию, не только передала всю власть буржуазии, но и дошла вплотную до революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства. Именно такой диктатурой (т. е. властью, опирающейся не на закон, а на непосредственную силу вооруженных масс населения) и именно указанных классов являются Петроградский и другие местные советы рабочих и солдатских депутатов»[1].

В итоге получилось своеобразное двоевластие и переплетение двух диктатур: с одной стороны — диктатура буржуазии, и с другой — диктатура пролетариата и крестьянства в лице Советов.

«Не подлежит ни малейшему сомнению, — писал Ленин, — что долго продержаться такой «переплет» не в состоянии. Двух властей в государстве быть не может. Одна из них должна сойти на-нет, и вся буржуазия российская уже работает изо всех сил, всеми способами, повсюду, над устранением и обессилением, сведением на-нет Советов солдатских и рабочих депутатов, над созданием единовластия буржуазии.

Двоевластие выражает лишь переходный момент в развитии революции, когда она зашла дальше обычной буржуазно-демократической революции, но не дошла еще до «чистой» диктатуры пролетариата и крестьянства»[2].

Руководящая роль в Советах в течение первых месяцев принад-

[1] «Задачи пролетариата в нашей революции».

[2] Там же.

лежала мелкобуржуазным партиям меньшевиков и эсеров. Их руководство привело к тому, что Советы добровольно уступили власть Временному правительству. Меньшевики и эсеры внушали массам, что Советы должны ограничиться лишь правом наблюдения и контроля за деятельностью Временного правительства. Они говорили, что необходимо доверять правительству буржуазии постольку, поскольку оно «защищает» интересы масс. Но эта тактика была самым явным обманом, так как Временное правительство было правительством буржуазии и защищало интересы эксплоататорских классов.

В такой чрезвычайно сложной обстановке переходного периода шла напряженная борьба между различными политическими партиями, выражавшими классовые интересы различных классов населения. Для дальнейшей оценки событий и соответствующей позиции религиозных организаций нам надо остановиться на краткой характеристике наиболее крупных партий.

В первую очередь возьмем кадетов (конституционно-демократическая партия). Эта партия являлась партией капиталистов. До Февральской революции кадеты были монархической партией, а после стали республиканцами, с тем чтобы в новой окраске лучше отстаивать власть и привилегии капиталистов. После Февральской революции партия кадетов сплотила вокруг себя остатки всех правых партий, всех черносотенцев. Во Временном правительстве представители кадетов являлись выразителями требований буржуазии. Кадеты называли себя партией «народной свободы», но на деле они были партией буржуазной диктатуры. Кадеты провозглашали необходимость войны до победы, отстаивали для укрепления власти реакционного генералитета «железную дисциплину» в армии (вплоть до смертной казни), требовали жестоких расправ с крестьянским революционным движением, были противниками восьмичасового рабочего дня и отстаивали во всей неприкосновенности систему беспощадной эксплоатации масс трудящихся. В общем кадеты были партией буржуазной контрреволюции.

Другая партия — эсеры (социалисты-революционеры) — недаром заслужила прозвище «социалисты-реакционеры». Они называли себя революционной крестьянской партией, но в действительности представляли, как писал Ленин, «не массу крестьянской бедноты, а меньшинство зажиточных хозяев»[1]. Являясь кулацкой партией, эсеры обманывали крестьянскую массу всевозможными обещаниями и посулами, а на деле поддерживали кадетов, вступали с ними в блок, поддерживали капиталистическую программу грабительской войны, программу сохранения господства помещиков и капиталистов. Провозглашая необходимость перехода земли к крестьянам, эсеры на деле отстаивали помещичье землевладение и организовывали расправы с революционными крестьянами, поднимавшимися против своих вековых угнетателей. Полный крах эсеров сказывался в росте крестьянского революционного движения, в упадке их влияния, в росте влияния большевиков.

[1] Том XIV, часть II, стр. 278.

Во второй половине 1917 г. вопреки агитации эсеров резко увеличилось количество крестьянских выступлений против помещиков.

Союзники эсеров — меньшевики — были, как говорил Ленин, «агентами буржуазии в пролетарской среде». Они проповедывали соглашательство с буржуазией и на каждом шагу предавали интересы рабочих. Они поддерживали империалистическую политику буржуазии, стремились укрепить буржуазную дисциплину в рядах армии, вели борьбу против братания. На страницах своей прессы меньшевики вели травлю партии пролетариата — большевиков, так же как и эсеры помогали буржуазии в организации расправ с революционными рабочими и крестьянами. Меньшевики и эсеры всячески старались ослабить Советы и свести их роль к роли жалких говорилен. Под флагом передачи власти Учредительному собранию меньшевики проводили «план подготовки буржуазной диктатуры, правда, прилизанной и причесанной, совершенно «демократической», но все же буржуазной диктатуры»[1].

Резко противоположную позицию занимали большевики. Объясняя позицию большевиков в связи с выборами в петербургскую городскую думу, т. Сталин писал:

«Наша партия есть партия городских и сельских рабочих, партия беднейших крестьян, партия угнетенных и эксплоатируемых.

Все буржуазные партии, все буржуазные газеты, все колеблющиеся и половинчатые группы ненавидят и клевещут на нашу партию. Почему?

Потому, что:

только наша партия стоит за революционную борьбу с помещиками и капиталистами;

только наша партия стоит за немедленный переход помещичьих земель в руки крестьянских комитетов;

только наша партия стоит за рабочий контроль в промышленности против всех капиталистов;

только наша партия стоит за демократическую организацию обмена между городом и деревней против спекулянтов и мародеров;

только наша партия стоит за полную ликвидацию контрреволюции в тылу и на фронте;

только наша партия отстаивает без колебаний революционные организации рабочих, крестьян и солдат;

только наша партия борется решительно и революционно за мир и братство народов;

только наша партия борется решительно и без колебаний за завоевание власти рабочими и крестьянской беднотой;

только наша партия, и только она, не запятнала себя позором поддержки смертной казни на фронте.

Вот почему так ненавидят нашу партию буржуа и помещики»[2].

Резюмируя выводы о деятельности партии в период между Февральской и Октябрьской революцией, т. Сталин писал:

---

[1] И. Сталин — «К вопросу о стратегии и тактике русского коммунизма» «Правда» № 56 за 1923 г.

[2] «Пролетарий» № 7 от 20/VIII (2/IX) 1917 г.

751

Большевистская стратегия планировала основной удар по линии ликвидации буржуазной власти соединенными силами пролетариата и крестьянской бедноты, по линии организации диктатуры пролетариата в виде Республики советов. Разрыв с империализмом и выход из войны, освобождение угнетенных национальностей бывшей Российской империи, экспроприация помещиков и капиталистов, подготовка условий для организации социалистического хозяйства — таковы элементы стратегического плана большевиков в этот период. «Вся власть Советам», — так формулировали тогда большевики свой стратегический план. Значение его огромно. Он важен был не только в том отношении, что правильно учитывал движущие силы новой пролетарской революции в России, но и в том отношении, что облегчал и ускорял дело развития революционного движения на Западе»[1].

* * *

Февральская революция 1917 г. была прологом к революции Октябрьской. Уничтожив самодержавие, Февральская революция выполнила задачи революции 1905 г. и создала условия, в которых с успехом развернулась революционная борьба за установление диктатуры пролетариата.

События того времени дают нам важнейшие уроки. Они в первую очередь свидетельствуют, что именно коммунистическая партия, партия пролетариата, была организатором и руководителем революционной борьбы. Эта борьба протекала в сложной обстановке переходного периода, в крестьянской стране, в условиях господства мелкобуржуазных иллюзий даже среди значительной части рабочего класса. И на этом этапе партия пролетариата сумела с успехом выполнить свою историческую миссию, сумела возглавить революционную борьбу, разрушившую в скором времени власть капитала.

Опыт Февральской революции и последовавшие события разоблачают вместе с тем гнилую, антиленинскую, троцкистскую теорию перманентной революции и свойственное троцкизму непонимание значения союза пролетариата с крестьянством.

Вместе с тем события тех дней дают яркую картину предательской роли меньшевиков и эсеров, называвших себя партией рабочего класса и партией революционного крестьянства, на деле же являвшихся агентурой буржуазии и кулачества.

Опыт Февральской революции показывает блестящий пример ленинской стратегии и тактики, который с успехом будет использован нашими братскими партиями в борьбе за Мировой Октябрь.

---

[1] И. Сталин. «К вопросу о стратегии и тактике русских коммунистов». «Правда» № 56 за 1924 г.

2

Церковь накануне революции

При самодержавии российская православная церковь имела наименование «ведомства православного исповедания». Эта официальная терминология очень верно определяет роль церкви как одного из государственных органов. Действительно, православная церковь являлась частью полицейско-чиновничьего государственного аппарата.

После петровских реформ XVIII в. руководство церковной организацией принадлежало особой коллегии, так называемому «святейшему правительствующему синоду», состоявшему из царских чиновников — епископов, назначаемых правительством. Верховная церковная власть однако принадлежала царю — первому помещику Российской империи, считавшемуся «крайним судьей сей коллегии». Ближайшим начальством «синодальной команды» являлся обер-прокурор синода, царский чиновник. «Православие,— писал Соловьев,— стало у нас простым атрибутом или придатком русской государственности».

Православная церковь была вместе с тем крупнейшим собственником и помещиком, имевшим миллионы гектаров земельных владений, большие капиталы, многочисленные доходные предприятия самого разнообразного характера. Общая сумма ежегодных доходов православной церкви в предреволюционное время доходила до 400 млн. руб.

Являясь частью государственного полицейско-чиновничьего механизма, имея строго централизованный, бюрократически построенный аппарат, возглавлявшийся самим «божьим помазанником», православная церковь проделывала систематически и планомерно, из года в год, изо дня в день, громадную политическую работу, всесторонне обслуживавшую интересы эксплоататорских классов.

Во многих десятках тысяч церковных школ православная церковь воспитывала подрастающее поколение в духе «политической благонадежности», коверкала детское сознание, готовила будущих рабов. Во всех светских учебных заведениях существовало преподавание так называемого «закона божьего», на уроках которого детям внедрялось ложное представление о жизни природы и общества, внушалось, что угнетательский строй и царский палочный режим установлены богом, им освящены и по-

этому всякое революционное движение есть величайшее преступление.

При помощи богослужения и многочисленных церковных обрядов правящие классы прививали трудящимся рабские навыки и учили поклоняться системе угнетения.

Многие церковные молитвы и песнопения были составлены таким образом, что молившиеся должны были верить в святость и незыблемость самодержавия. Достаточно вспомнить хотя бы многочисленные моления против революции, имевшие место в эпоху 1905—1907 гг.

Церковная исповедь была прекрасным орудием политического сыска, при помощи которого господствовавшие классы могли читать даже мысли порабощенных и немедленно предпринимать то или другие меры. Указы царского правительства и распоряжения церковной власти неоднократно подтверждали изданный еще в 1716 г. приказ, согласно которому каждый поп должен немедленно доносить царскому правительству обо всех «вредных» замыслах рабочих и крестьян, сообщенных попу на исповеди.

Таким образом работа православного попа дополняла работу палача. «Все и всякие угнетающие классы,— писал Ленин,— нуждаются для охраны своего господства в двух социальных функциях: в функции палача и в функции попа. Палач должен подавлять протест и возмущение угнетенных, поп должен рисовать им перспективы (это особенно удобно делать без ручательства за «осуществимость» таких перспектив...) смягчения бедствий и жертв при сохранении классового господства и тем самым примирять их с этим господством, отваживать их от революционных действий, подрывать их революционное настроение, разрушать их революционную решимость»[1].

Каждая страница истории православной церкви подтверждает, наглядно иллюстрирует вышеприведенные слова и свидетельствует, что православная церковь, как и другие церкви, являлась организацией, обслуживавшей интересы эксплоататоров.

Мы помним, как действовала православная церковь, когда рабочие и крестьяне в 1905 г. поднялись против своих классовых врагов, капиталистов и помещиков, и когда царское правительство путем массовых расстрелов, виселиц, погромов и путем провокации старалось задушить революционное движение, угрожавшее смести и уничтожить царскую Россию.

Пользуясь своим мощным аппаратом, церковь распространяла лживые слухи, старалась поссорить рабочих и крестьян. В те моменты, когда оказывались бессильными лживые слова и рабские церемонии, духовные отцы действовали иначе. В Москве, в связи с октябрьской стачкой, по решению погромного «союза русского народа» и церковных властей были организованы «приходские комитеты порядка», поставившие себе задачей — об этом сообщала сама церковная печать — личную и непосредственную «борьбу со смутой». Их председателями были попы. В декабре

[1] «Крах второго интернационала».

1905 г. на колокольнях московских церквей были поставлены пулеметы, из которых расстреливали восставших рабочих.

С целью борьбы с крестьянским движением в ряде монастырей, как например в Глинской пустыни б. Курской губ., были организованы вооруженные отряды монахов-черносотенцев, поставивших себе задачей бороться с аграрным движением. Эти монахи жестоко порюли крестьян, поднявшихся против своих вековечных угнетателей. Когда царизм организовывал погромное движение, именно православное духовенство содействовало полиции и охранке.

В эпоху реакции особенно показательна была крепкая связь православной церкви с черносотенцами, с так называемым «союзом русского народа». Многие церковные деятели, как например архиепископ волынский Антоний, московский митрополит Владимир, екатеринославский протоиерей Балабанов, московский протоиерей Восторгов и т. д. и т. д., были видными руководителями черносотенного движения. «Знаменитые» Почаевская и Киево-печерская лавры — эти черные гнезда паразитов — были центрами и организаторами этого движения, созданного полицией и охранкой и представлявшего интересы наиболее реакционных помещиков и царской камарильи.

Роль опоры самодержавия выполняла православная церковь и в Государственной думе. Громадный агитационный аппарат православия был широко использован царизмом для проведения желательных кандидатов. Депутаты проводились в тесном контакте с реакционными партиями, в первую очередь с черносотенным «союзом русского народа».

В самой Думе пробравшиеся туда церковные пастыри занимали крайние правые скамьи. Во главе с волынским епископом Евлогием и другими такими же иерархами черной масти эта публика оказывала самодержавию всевозможную поддержку.

Когда началась мировая война, затеянная помещиками и капиталистами для грабительских империалистических целей, то православная церковь, как и другие религиозные организации, действовала в интересах капитала и самодержавия. Война была объявлена «великой и священной», богослужение было милитаризовано. Обреченных на убой рабочих и крестьян церковь обрабатывала при помощи всей своей системы обмана, чтобы они покорно и безропотно шли на штыки и погибали за интересы капитала.

«Воинская служба,— говорилось в церковных изданиях,— есть служение самому богу, и воины суть истинные слуги господни, назначаемые всеблагою и промыслительною волею божьей»[1].

Примеров такой агитации можно было бы привести сколько угодно. Все формы церковной обработки масс были изменены и приспособлены для потребностей милитаризма.

Церковь широко пропагандировала военные займы. На первых страницах церковных газет и журналов печатались такие ло-

[1] Проповедь попа Андрея Коренева, напечатана в «Таврическом церковно-общественном вестнике» за 1917 г.

«Знаменитый» царский фаворит, «старец» Григорий Распутин, среди дам «большого света». В последние годы Распутин был подлинным главой православной церкви. По его приказам высшие и низшие чины православного духовенства получали новые назначения, награды и т. д.

пути! Наши ружья, [illegible] и [illegible], прокладывают путь для победного движения вперед[1].

В рядах царской армии было до пяти тысяч военных попов, действовавших в качестве агентов капитала и самодержавия. Эта военно-религиозная организация выполняла все возможное, чтобы вооруженная масса была послушным [illegible] массам.

В тылу, где лились потоки слез, при помощи громадной благотворительности церковь замазывала язвы классовых противоречий,

[1] «Петроградский церковно-общественный вестник» № 11 от 14.1 1917 г.

одно за другим организовывала религиозные выступления для того, чтобы усыпить сознание, отвлечь трудящихся от вопросов борьбы в сторону религиозной фантастики. Когда царизм расправился с большевиками (депутатами рабочих в Государственной думе) и их сослали в Сибирь, церковными организациями было рекомендовано духовенству оклеветать сосланных как «иуд-предателей», продавшихся немцам. А какой характер имела церковная агитация среди населения, можно видеть по такому образцу:

«Братие христиане! Тяжел крест нашей родины. Но ведь это наш крест! Это мы, дети родины нашей, несем его! Безмерно тяжелы муки настоящего крестоношения, но эти муки всеобщи, принадлежат всем и каждому. И пусть эта круговая чаша страданий, пусть этот общий крест наш будет донесен нами до конца. Пусть никто, ни один из нас, не падает духом под его тяжестью. Пусть все мы, пусть каждый из нас, терпеливо и до конца несет свою многотрудную ношу: это наш исторический путь, наше мировое восхождение ко Христу»[1].

Это значило, что трудящиеся должны рабски-терпеливо переносить все тяготы капиталистических порядков, все лишения, возлагаемые на них эксплоататорскими классами. И все это следует терпеть «во имя христа» и по «его примеру».

В этот период, накануне Февральской революции, истинным главой православия был Григорий Распутин, «святой старец», как называл его московский митрополит Макарий. По приказам Распутина синод издавал свои указы и распоряжения и назначал тех или других лиц на места высших чиновников православной церкви. В это время православная церковь уже начинает переживать период гниения и разложения, который переживало и самодержавие. Французский посол в России Морис Палеолог в своих воспоминаниях рассказывает, что бывший председатель совета министров в беседе с ним говорил:

«Епископские и высшие должности в настоящее время почти совершенно подчинены клике Распутина. Это какая-то гнусная болезнь, какая-то гангрена».

Не менее характерно заявление Палеологу бывшего министра земледелия Кривошеина, впоследствии заместителя генерала Врангеля в 1920 г.

...«Никогда еще синод, — говорил Кривошеин, — не падал так низко... Именно так надо было бы действовать, стремясь истребить в народе всякое уважение к религии, всякую веру. Что останется скоро от православной церкви? В тот день, когда царизм, находясь в опасности, захочет опереться на нее, он не найдет ничего»...

Эти слова, как увидим дальше, оказались правильными.

---

[1] «Таврический церковно-общественный вестник» № 5—6 за 1917 г.

3

Духовенство в февральские дни

К началу 1917 г. самодержавие оказалось в тупике. Распутинский режим окончательно дискредитировал себя. Царская правительственная машина не справлялась с задачами ведения войны. В тылу и на фронте нарастал революционный подъем. Усиливалось оппозиционное течение в среде буржуазии. С участием офицерства возникают кружки, поставившие своей задачей отстранение Николая Романова, передачу власти другому лицу.

«Правительство не помогает, а только мешает нам. Мы должны поставить вопрос об удалении этого правительства»,— заявил Челноков на IV съезде Союза городов в Москве в марте 1916 г.

Во второй половине 1916 г. был отмечен значительный подъем рабочего движения. По данным официальной статистики в октябре 1916 г. 187 134 рабочих участвовали в стачках и в различных выступлениях против правительства.

Выступая на одном из заседаний совета министров, министр внутренних дел Щербатов говорил о положении в Москве:

«Там все бурлит, волнуется, раздражено, настроено ярко антиправительственно, ждет спасения только в радикальных переменах. Собрался весь цвет оппозиционной интеллигенции и требует власти для доведения войны до победы. Рабочие и вообще все население охвачены каким-то безумием и представляют собой готовый горючий материал. Взрыв беспорядков возможен каждую минуту. Но у власти в Москве нет почти никаких сил».

Тут же указывалось, что имеющиеся войска — «все это далеко ненадежный народ и двинуть его против толпы будет трудно»[1].

В такой обстановке, в полном соответствии с традициями прежних лет, церковь оказывала царскому правительству поддержку и всячески боролась с революционным движением.

Типичные примеры дает нам деятельность московского и киевского духовенства.

В январе 1917 г. во многих газетах и церковных журналах было напечатано послание московского митрополита Макария. Обращение было адресовано: «возлюбленной пастве московской», но текст его был перепечатан и столичными и провинциальными изданиями.

[1] «Архив русской революции», т. XVIII, стр. 133.

«... Бога бойтесь и царя чтите,— писал Макарий.— Почитайте царя как помазанника божия, о котором господь сказал: не прикасайтеся помазанным моим, повинуйтесь поставленным от него властям. Власть установлена от бога... Противящийся власти,— божию повелению противится, а противящиеся примут себе грех... А если делаешь зло, то бойся, ибо начальник не напрасно меч носит. Итак, повинуйтесь властям.

Бога бойтесь, царя чтите, а с мятежниками не сообщайтесь,— таковых ныне много развелось на русской земле. Они снуют среди народа, чтобы обольщать его разными несбыточными обещаниями. Не слушайтесь их»...

Дальнейшее содержание послания гласило, что «мнимые народники» стремятся к безначалию, они, дескать, приведут к безработице, голоду и захвату страны иностранцами.

Затем читаем:

«... Итак, что же нам делать?

Обратимся к богу с молитвой и покаянием, как молились и каялись наши предки во времена лихолетья... Опомнись же, русский народ, встань на охрану устоев земли, как защищали их предки в старые времена!

Объединись, русский народ, около святой церкви, под руководством ее добрых пастырей, в послушании уставам церковным. Сплотись около престола царского, под предводительством верных слуг царевых, в повиновении богом учрежденной власти...

Будем избегать разделений и раздоров церковных и общественных! Объединимся около нашего державного царя православного! Станем на защиту богоучрежденной власти, от государя поставленной!..

Макарий, митрополит московский»[1].

Комментируя это обращение, церковная периодическая пресса указывала на его «своевременность» и в доказательство этого ссылалась на сообщение царского правительства об арестах «рабочей группы» Центрального военно-промышленного комитета[2].

Какую позицию в этот период занимали другие иерархи, можно видеть по нашумевшей в те дни статье киевского митрополита Владимира, посвященной вопросу о печати.

«Пресса,— писал митрополит Владимир,— должна пребывать в согласии с политическими, религиозными и социальными основоположениями, на которых покоится народная жизнь... Мы — православные христиане, члены монархического государства, до глубины души любящие своих царей — помазанников божиих. Пресса у нас не должна, не в праве дотрагиваться до монархии и проводить республиканские идеи, не должна направлять умы в сторону революции, не

[1] «Московские церковные ведомости» № 3—4 за 1917 г.

[2] Например в журнале «Сеятель» № 3 за 1917 г.

должна подрывать любовь и уважение к царствующему дому... Волны партийной борьбы не должны подыматься до царского престола. Последний должен быть священным и неприкосновенным для каждого направления»[1].

В полной солидарности с митрополитом действовало черносотенное рядовое духовенство. Как указывала церковная печать, в Киеве за несколько дней до революции состоялось собрание духовенства во главе с епископом Никодимом, при участии видных руководителей киевского черносотенного духовенства: протоиерея Г. Прозорова и инспектора духовной академии архимандрита Тихона. На этом собрании была вынесена резолюция, настаивающая на разгоне Государственной думы. В резолюции было отмечено, что разгон необходим для подавления революционного движения.

Не менее характерную позицию занимал и сам синод.

25 февраля, как-раз в тот день, когда полиция и жандармы устанавливали пулеметы на крышах домов и на пожарных каланчах и когда пролетарская кровь окрасила ленинградские улицы, в это время в главном церковном органе, «Церковные ведомости», была напечатана передовица под заголовком «Что в настоящее время более всего необходимо».

«Все дурное,— заявлял синод,— все разрушающее растет и множится... Многие из нас мятутся духом, дышат злобою на власть... ведут непрестающую борьбу со властью и за власть; и чувствуется, что эти люди спешат воспользоваться затруднительным положением государства, чтобы достигнуть своих целей... Спешите, друзья, в эти опасные дни нашей жизни объединиться для надлежащей вседушевной охраны и укрепления того государственного строя, который веками у нас создан, который веками оправдан, который именно теперь особенно крепок должен быть... Стойте же, друзья, непреоборимой стеной вокруг царского престола. Спешите все не за гнев, а за совесть на помощь представителям власти самодержца на местах... Пусть теперь... соборный колокол созывает всю Русь под единый, великий, святой стяг, на котором огненными словами начертано: «За веру, царя и отечество»[2].

Это обращение и пулеметы на колокольне ясно свидетельствуют об истинной позиции руководящих кругов церкви по отношению к Февральской революции. Правда, впоследствии церковники пытались отрицать факт использования колоколен в качестве пулеметных площадок. Митрополит Введенский в своей книге «Церковь и государство» заявлял, что это лишь «слухи», и к тому же «совершенно вздорные».

Однако факты свидетельствуют о другом. Удивляться таким фактам конечно не приходится. Ведь установлено же документально, что в декабрьские дни 1905 г. многие колокольни мос-

[1] «Голос церкви» № 1—5 за 1917 г., стр. 10.

[2] «Церковные ведомости» № 8 от 25/II 1917 г. Стенограмма речи нижегородского епископа Макария от 11/II 1917 г.

ковских церквей (б. Страстного монастыря, церкви на б. Кудринской площади, церкви около здания Трехгорной мануфактуры и т. д.) были использованы в качестве удобных платформ для пулеметов[1].

В февральские дни 1917 г. «история повторилась». Как известно, впоследствии, в Октябрьскую революцию и в годы гражданской войны, такие же факты повторялись неоднократно.

В примечании к воспоминаниям белогвардейцев о Февральской революции т. Усагин пишет:

«В действительности полицейские пулеметы на чердаках, на колокольнях, на каланчах далеко не были «легендой» и «провокационной сказкой». Они довольно энергично «работали» в воскресенье 26 февраля, а частью и в следующие дни»[2].

Воспоминания очевидцев тоже свидетельствуют об этом.

Кресты и пулеметы оказались бессильными. Самодержавие было низвергнуто, и у власти оказалось Временное правительство, составившееся из представителей буржуазии и помещиков.

В статье «Первый этап русской революции», написанной 21 марта 1917 г., Ленин охарактеризовал это правительство как правительство, прекрасно «приспособленное для ведения империалистической войны и для надувания народа».

Желая до конца использовать церковный аппарат в борьбе против революционного движения, 27 февраля обер-прокурор синода Раев, распутинский ставленник, предложил синоду выпустить воззвание с решительным осуждением революционного движения; при этом Раев заявил, что руководители движения состоят из изменников, «начиная с членов Государственной думы и кончая рабочими».

На это предложение синод ответил отказом.

«Святейший синод,— сообщала впоследствии церковная пресса,— это предложение отклонил, причем господину Раеву было указано на то, что в высшей степени спорным является вопрос: откуда идет измена — сверху или снизу»[3].

Действительная причина такой «странной» политики синода на самом деле ничего странного не имеет.

В этот момент уже было ясно, что судьба самодержавия решена.

«Волна народного восстания,— признавался Титлинов,— взметнулась столь высоко, что было бесполезно и политическим силам переть против рожна, а иерархия в политическом смысле была бессильна»[4].

Это признание обновленческого церковного «вождя» открывает действительную причину синодальной политики. «Соотношение сил,— добавляет Титлинов,— уже довольно прозрачно намекало на проигрыш игры старой власти». Что же касается мнения «ие-

---

[1] См. мою брошюру «Московское восстание 1905 г. и церковь», Изд. «Атеист» 1930 г.

[2] Сборник «Февральская революция» из серии «Революция и гражданская война в описаниях белогвардейцев». ГИЗ, стр. 322.

[3] «Всероссийский церковно-общественный вестник», № 1 за 1917 г.

[4] В. В. Титлинов — «Церковь во время революции». Изд. «Былое» 1924 г., стр. 56.

горцев» церкви из обновленческого лагеря, что якобы другая причина отказа заключалась в оппозиции синода царизму (по примеру таких лиц, как Пуришкевич), то это обстоятельство, полагаем, большого значения не могло иметь. Ведь только что перед этим «святейшие отцы» смиренно исполняли все приказы Гришки Распутина[1].

В общем состоянии церковных верхов в эти дни, когда стало ясным, что самодержавие погибло,— это состояние многие источники характеризуют, как состояние полной растерянности.

«Февральская революция 1917 г.,— пишет Титлинов,— застала церковь совершенно неподготовленной к подобному перевороту»[2].

«Церковь была наиболее ошеломлена революцией,— рассказывает митрополит Введенский.— Полная растерянность и замешательство характеризуют состояние церкви в первые дни революции. Факт, что святейший синод растерялся, не зная, что делать. Заседания синода носят беспомощный характер. Когда же некоторые петроградские священники попытались обратиться туда хотя за какими-нибудь руководящими указаниями, там ответили полным отказом дать какие бы то ни было указания»[3].

«Когда до синода,— сообщает т. Горев,— дошли первые известия, что царский престол рассыпался,— из-под ног «князей церкви» ушла всякая почва, и один из синодальных «владык», Арсений Новгородский, горестно воскликнул:

— Нет царя, нет и церкви!

А когда к этому же новгородскому владыке стали поступать тревожные вопросы духовенства: ««Как быть дальше?» — махая руками, он отвечал:

Не знаю! Я ничего не знаю! Что хотите, то и делайте!»[4]

По сообщению церковной прессы карьера обер-прокурора синода Раева кончилась весьма оригинально. Переодевшись в женское платье, он с успехом скрылся от разыскивавших его солдат.

Позиция значительной части духовенства в общем соответствовала линии начальства. В моменты борьбы эта часть духовенства проводила монархическую работу, а после, когда победа революции стала совершившимся фактом, пастыри церкви начали «смену вех».

Воспоминания очевидцев свидетельствуют, что в последних числах февраля в Ленинграде, Москве, в общем повсеместно, продолжались монархические моления о «благочестивейшем, самодержавнейшем». В ряде мест на этой почве возникли даже эксцессы.

Во многих городах попы, и даже кое-где епископы, были арестованы. Исполнительные комитеты советов принимали соответствующие постановления. В Ленинграде был арестован и приведен в

---

[1] Распутинская «эра» в церкви будет освещена автором в подготовляемой к печати брошюре «Церковь и Распутин».

[2] «Церковь во время революции», стр. 55.

[3] «Церковь и государство». Очерк взаимоотношений 1918—1922 гг. Изд. 1923 г.

[4] М. Горев — «Последний святой», стр. 233—239.

Думу митрополит Питирим, известный распутинец. В Житомире местным исполнительным комитетом было принято решение об удалении архиепископа Евлогия. Такое же решение было в Харькове по поводу деятельности архиепископа Антония.

В ряде мест попы отказались прочесть с амвона манифесты Николая и Михаила Романовых об отречении от престола. Так, например в московском Даниловском монастыре архимандрит Паков распорядился не оглашать эти манифесты, заявив, что они являются «выдумкой», и распорядился об увольнении делопроизводителя монастыря Г. Т. Смирнова, предлагавшего огласить манифесты. Вот любопытный исторический документ, свидетельствующий об использовании духовенством в дни революции богослужебного аппарата.

«Служебная записка. Срочно.

Гарнизонному священнику и благочинному береговых церквей морского ведомства г. Севастополя.

1 сего марта, в день кончины государя императора Александра II, будет во Владимирском соборе совершена панихида в 11 час. утра. Предложите духовенству вашего благочиния явиться к означенному часу в собор. Облачение траурное...

Февраля 27 дня 1917 г. № 68061.

Главный священник Черноморского флота Г. Спасский».

Такие же монархические моления служили попы в г. Киеве. В № 10 от 5/XIII 1917 г. «Киевских епархиальных ведомостей» сообщалось, что 1 марта в киевском Софийском кафедральном соборе епископ чигиринский Василий служил «торжественную панихиду» в память Александра II. Вполне понятно, что при таком поведении духовных пастырей во многих городах были среди них аресты. Ввиду этого синодом впоследствии было принято особое постановление такого содержания:

«1) О мерах к ограждению церковного порядка: священнослужители наравне с другими гражданами свободной России пользуются неприкосновенностью личности и без законных оснований не могут быть никем подвергаемы задержанию или аресту и в частности не могут быть арестованы за свою прежнюю принадлежность к монархическим организациям, а также не могут быть арестуемы по одним оговорам в противодействии новому государственному строю и в неповиновении Временному правительству, если эти обвинения не опираются на определенные факты; 2) чтобы при производстве арестов священнослужителей учреждения и лица, кои производят арест, незамедлительно сообщали ближайшему духовному начальнику как о факте, так и об основаниях к нему; 3) чтобы при разборе светскою административною и судебною властью дела о подвергающихся аресту или задержанию по политическим причинам священнослужителях привлекаемы были к участию в таковых разборах представители местных исполнительных комитетов или иных соответствующих организаций духовного ведомства; 4) чтобы при всех других случаях возникновения общественного недовольства деятельностью священнослужителей разбор таковых дел поручаем был упомяну-

тым исполнительным комитетам, состоящим из выбранных от клира и мирян».

Появление такого постановления свидетельствует, что аресты попов были явлением массового характера. Церковь не нарушила своей традиции, церковь продолжала свою линию.

В общем видим, что накануне решающих событий духовенство опубликовало ряд контрреволюционных обращений и пыталось укрепить пошатнувшееся самодержавие. В дни борьбы на колокольнях церквей с согласия духовенства были помещены пулеметы, а в церквах продолжались монархические моления. И только быстрое крушение «романовской телеги» привело к тому, что церковь, не успела развернуть широкой контрреволюционной деятельности.

Для правильной оценки классовой роли православного духовенства в февральские дни надо однако помнить, что духовенство не представляло собой единой массы. Князья церкви: митрополиты, архиепископы и епископы, получавшие многомиллионные доходы, ордена и пользовавшиеся всевозможными привилегиями, были наиболее тесно связаны с царским правительством.

Многие представители епископата играли видную роль в черносотенном движении. И эта публика по отношению к Февральской революции несомненно занимала отрицательную позицию. Только сознание бесполезности борьбы заставило «князей церкви» молчаливо «признать» крушение монархии. В среде остального духовенства это направление, наиболее реакционное, встретило поддержку со стороны монастырского руководства, так как монастыри являлись крупными помещичьими организациями.

Иное отношение к событиям можно было видеть со стороны значительной части так называемого «среднего» духовенства. Полное подчинение церковной организации государственному полицейско-чиновничьему аппарату, обер-прокурорская бюрократическая система управления, мелочная опека, всевластие церковных губернаторов — архиереев, открытое выполнение духовенством полицейских функций — все это вызывало в течение ряда лет известный протест со стороны некоторых церковников. Сторонники этой своеобразной «оппозиции» в своей значительной части еще при царизме примыкали к октябристам и кадетам, заявляли о необходимости реформы церковного управления. Это течение выражало буржуазные тенденции, и его сторонники, само собою разумеется, отнеслись к Февральской революции иначе, чем представители епископата. Отсюда даже сочувственное отношение к Февральской революции, поставившей у власти представителей капитала — Гучкова, Милюкова, Терещенко. Сельское духовенство, связанное с кулачеством, тоже относилось более благожелательно к Временному правительству. Что же касается третьего течения, выражавшего позицию мелкой буржуазии, то оно в первые дни Февраля было в зачаточном состоянии и почти ничем не проявило себя. Только впоследствии, уже значительно позже, оно развернуло свою деятельность, главным образом в Петрограде.

4

Переход на службу к буржуазии и приспособление аппарата

2 марта ставшая у власти буржуазия выдвигает из своей среды синодального обер-прокурора В. Н. Львова, сидевшего во времена царизма в Думе на правых скамьях. На следующий день синод посылает одного из попов в Думу с предложением новым хозяевам своих услуг.

4 марта на торжественном собрании синода его высокопревосходительство[1] вновь испеченный обер-прокурор, заявляет, что он, «оставаясь всегда верным сыном церкви, счастлив объявить о свободе церкви, об уничтожении цезарепапизма, губительно влиявшего на все стороны церковно-общественной жизни»[2]. Однако 7 марта он объяснил членам синода, что «Временное правительство считает себя облеченным всеми прерогативами прежней царской власти в церковных делах. Он же... остается фактическим хозяином и начальником, как при прежнем режиме, но как член исполнительного комитета оказывается на неограниченное время, до созыва собора, и безапелляционным вершителем церковных дел»[3].

Таким образом в его лице буржуазия решила твердой рукой вертеть колесо церковной механики.

На этой почве между новыми хозяевами и их «святейшей» прислугой возник инцидент, выразившийся в том, что шесть архиепископов подали заявление, в котором указывали, что они не могут «брать на себя ответственность за все мероприятия, кои Временное правительство или единолично господин обер-прокурор найдут нужным произвести в церковном управлении, а поэтому нижеподписавшиеся не считают для себя возможным... оставаться присутствующими в святейшем синоде, сохраняя конечно к нему сыновнее послушание и должное повиновение Временному правительству».

---

[1] Так называли «революционное» начальство попы, и это обращение печаталось еще в мае 1917 г.

[2] «Всероссийский церковно-общественный вестник». № 1 за 1917 г.

[3] «Сеятель» № 5—6 за 1917 г.

Заявление было подписано архиепископами: финляндским Сергием, литовским Тихоном, новгородским Арсением, гродненским Михаилом, нижегородским Иоакимом и черниговским Василием.

Однако через несколько часов вышеуказанные лица согласились остаться в синоде и соответствующим образом освятить все мероприятия буржуазии. Следовательно «сыновнее послушание и должное повиновение» новым хозяевам нарушено не было.

6 марта состоялось определение синода «об обнародовании в православных храмах» манифестов об отречении Николая и Михаила «с совершением молебствия господу богу об утишении страстей» (определение № 1207).

Кстати сказать, это распоряжение официально было опубликовано в синодальном издании лишь 8 апреля. Характерно, что еженедельный руководящий орган православной церкви, «Церковные ведомости», не выходил с 25 февраля до 8 апреля. Растерянность церковных верхов была велика.

Но буржуазия, став у власти, вовсе не была заинтересована прощать такую «слабость». Представитель Временного правительства, обер-прокурор синода Львов, сразу же предложил синоду «для успокоения умов» издать послание, в котором давалась бы религиозная санкция совершившимся событиям.

«По предложению обер-прокурора,— сообщает Титлинов,— синод издал послание, благословлявшее новую, свободную Россию»[1].

В синодальном послании говорилось:

«Божиею милостью святейший правительствующий синод верным чадам православной российской церкви.

«Благодать вам и мир да умножится» (2 Петр, 1, 2).

Свершилась воля божия. Россия вступила на путь новой государственной жизни. Да благословит господь нашу великую родину счастьем и славой на ее новом пути. Возлюбленные чада святой православной церкви! Временное правительство вступило в управление страной в тяжкую историческую минуту. Враг еще стоит на нашей земле, и славной нашей армии предстоят в ближайшем будущем великие усилия. В такое время все верные сыны родины должны проникнуться общим воодушевлением. Ради миллионов лучших жизней, сложенных на поле брани, ради бесчисленных денежных средств, затраченных родиною на защиту от врага, ради многих жертв, принесенных для завоевания гражданской свободы, ради спасения ваших собственных семейств, ради счастья родины — оставьте в это великое историческое время всякие распри и несогласия, объединитесь в братской любви на благо России, доверьтесь Временному правительству: все вместе и каждый в отдельности приложите все усилия, чтобы трудами и подвигами, молитвою и повиновением облегчить ему великое дело водворения новых начал государственной жизни и общим разумом вывести Россию на путь истинной свободы, счастья и славы.

Святейший синод усердно молит всемогущего господа, да благословит он труды и начинания Вре-

[1] «Церковь во время революции», стр. 56

менного российского правительства, да даст ему силу, крепость и мудрость, а подчиненных ему сынов великой Российской державы да управит на путь братской любви, славной защиты родины от врага и безмятежного мирного ее устроения.

Смиренный Владимир, митрополит киевский; смиренный Макарий, митрополит московский; смиренный Сергий, архиепископ финляндский; смиренный Тихон, архиепископ литовский; смиренный Арсений, архиепископ новгородский; смиренный Михаил, архиепископ гродненский; смиренный Иоаким, архиепископ нижегородский; смиренный Василий, архиепископ черниговский; протопресвитер Александр Дернов»[1].

Анализируя политический смысл этого документа, мы видим, что крушение царизма здесь изображается как нечто совершившееся по «воле божией». По своей старинной традиции синод обманывает массы трудящихся. Далее идут призывы проникнуться «всеобщим воодушевлением» для принесения новых жертв империалистическому Молоху войны, оставить «всякие распри и несогласия» и «довериться Временному правительству». В заключение — обращение к господу, чтобы он благословил власть и укрепил ее. Основное в документе — призыв к массам повиноваться и подчиняться эксплоататорским классам. В общем же — как-раз то, что было нужно новым хозяевам.

Приспособление церкви к новой обстановке весьма типично сказалось в изменении богослужебных церемоний. Как известно, богослужебный аппарат православия был не чем иным, как орудием массовой пропаганды и агитации. В былые годы он чутко реагировал на все текущие политические события путем установления соответствующих молитв. Буквально всякое более или менее значительное событие в истории царской России и в жизни дома Романовых немедленно получало соответствующий отклик со стороны церковного аппарата. Этот же аппарат изо дня в день служил целям монархической агитации посредством молитв о «благочестивейшем, самодержавнейшем» и т. д.

Теперь обстановка изменилась.

Для новых господ нужны были новые песни. И вот, выполняя соответствующий «заказ», по предложению обер-прокурора синод меняет молитвы; вернее сказать, не столько меняет их, сколько приспособляет.

Вот текст первого из соответствующих постановлений синода, принятого 7—8 марта за № 1226:

«Святейший правительствующий синод российской православной церкви имел суждение об изменениях в церковном богослужении в связи с прекращением поминовения царствовавшего дома.

Приказали: на основании бывших рассуждений святейший синод определяет: во всех случаях за богослужениями вместо поминовения царствовавшего дома возносить моление «о богохранимой державе Российстей и благоверном Временном правительстве ее».

[1] Было напечатано во многих церковных периодических изданиях.

Далее говорилось об изменении церковных возгласов на великой ектении, на сугубой ектении, на «великом входе», при архиерейской службе, в конце молебна, на утрени и т. д.

Содержание постановления ярко характеризует полное приспособление церкви к новым условиям классовой борьбы и вместе с тем показывает, какая хитрая механика таится в церковных молитвах. На каждом шагу в прежние годы церковники внушали массам монархическую идеологию, а теперь все меняется во славу новых владык.

Несколько позже синод заслушал доклад архиепископа финляндского Сергия, председателя «комиссии по исправлению богослужебных книг». Обширнейшее постановление синода, принятое по докладу Сергия, давало директивы о соответствующих изменениях в «триоди постной», «цветной триоди», «служебнике», «требнике», «последовании молебных пений», «часослове учебном» и т. д. и т. п.

Что и говорить, указанной комиссии пришлось проделать «египетскую работу»! Ведь все моления в течение столетий с великим старанием пропитывались монархическими призывами, а тут пришлось менять «все на свете».

С болью в сердце выполняли попы это поручение. Однако ничего не поделаешь! Синод принял решение не заменять старых богослужебных книг новыми, так как это было бы слишком дорого, а отпечатать особые вкладки с указанием соответствующих изменений. Этих вкладок пришлось отпечатать громадное количество.

С новым текстом, пока попы не привыкли петь по-новому, не обошлось без недоразумений. Для лучшего стиля в некоторых местах соответствующие фразы были выброшены, а в других иначе редактированы. Одна кое-где получалась путаница. По свидетельству одного из московских попов, в одной из местных церквей был случай, когда вместо «возвесели сердце благочестивейшего, самодержавнейшего императора нашего» провозгласили «возвесели, господи, Временное правительство».

Местное духовенство тоже откликнулось в конце-концов почти «единодушным признанием» Временного правительства. Поводом к этому между прочим послужило следующее обращение попов-депутатов, членов Государственной думы:

«Члены Государственной думы, священники-депутаты, принявшие участие в избрании Временного исполнительного комитета, обращаются с братским призывом к православному духовенству всея России немедленно признать власть Исполнительного комитета и своим горячим пастырским словом разъяснить народу, что смена власти произошла для его блага и что только при этом условии можно вывести родину на путь счастья, благоденствия и процветания».

И вот черная рать (правда, с опозданием на 1—2 недели) тоже начинает свое «участие в революции».

Для характеристики церковных откликов посмотрим, как происходила эта «смена вех» на местах.

В Москве 7 марта под председательством известного черносотенца попа Восторгова обсуждался вопрос «об отношении духовенства к текущем событиям». Решили: «Единодушно и вседушев-

но, во имя пастырского и патриотического долга, подчиниться Временному правительству и последовавшим в этом направлении распоряжениям высшей церковной власти».

Тут же указывалось, что «Временное правительство в лице духовенства найдет не врагов и тайных противников, а естественных сотрудников и пособников». Далее говорилось, что путем агитации и всестороннего воздействия на массы духовенство будет служить новым властям.

На состоявшемся 8 марта собрании московских попов был избран Исполнительный комитет, выработана декларация и принят текст телеграммы с приветствием обер-прокурору синода Львову.

В ряде сельских местностей местные попы постарались организовать в связи с революционными событиями специальные «религиозно-патриотические торжества».

Характерны были отклики духовенства таврической епархии. Выше указывалось, что 1 марта в севастопольских церквах служили панихиду в честь Александра II. В симферопольском кафедральном соборе 5 марта архимандрит произнес монархическую проповедь. Проповедь эта, по сообщению церковной прессы, «произвела на местное общество самое тяжелое впечатление и вызвала нарекания на все духовенство города». Одновременно манифест Николая II с отказом от престола был опубликован в местном церковном издании как «манифест о восшествии на престол великого князя Михаила Александровича».

Однако после того, как надежды на «возврат старины» погибли, поведение церковников тоже изменилось. На состоявшемся 7 марта собрании попов г. Симферополя было постановлено «подчиниться Временному правительству, послать управляющему Таврической губ. (представителю Временного правительства) телеграмму с приветствием и обещанием «приложить все силы» и отправить телеграмму обер-прокурору Львову. Тут же постановили «совершенно отмежеваться от архимандрита Адриана».

Знаменательно следующее сообщение протокола:

«...6) В некоторых учебных заведениях были попытки испортить портреты лиц царствовавшего дома. Духовенство считает благоразумным в духовных и церковных школах временно, до утишения страстей, снять эти портреты».

Обратите внимание: «временно, до утишения страстей».

Шила в мешке, как видно, не утаишь.

Несколько позже, 10 марта, местный архиепископ Дмитрий (впоследствии председатель врангелевского церковного управления) опубликовал «послание пастве таврической», в котором призывал «не за страх, а за совесть, без ропота и лицемерия, повиноваться новому нашему правительству». Большая часть обращения была посвящена призывам всячески содействовать продолжению войны.

В общем, как только выяснилось, что самодержавия действительно не стало, со всех сторон посыпались поповские телеграммы на имя Львова, Родзянко и т. д. с заявлениями о признании Временного правительства.

В связи с событиями в очень многих городах состоялись собрания попов. Тут избирали исполнительные комитеты, составляли резолюции в духе вышеуказанных телеграмм и намечали формы будущей деятельности; так было в Одессе, Нижнем-Новгороде, в Саратове, в Самаре, Петрозаводске, Томске и т. д.

В Киеве 7 марта, по сообщению церковной печати, состоялось собрание местного духовенства под председательством епископа Никодима Чигиринского. В телеграммах, посланных митрополиту Владимиру и обер-прокурору святейшего синода, собрание заявляло о своей верности комитету Государственной думы и Временному правительству. На этом же собрании было решено устроить 9 марта «всенародное молебствие» и затем был избран исполнительный комитет духовенства.

Заслуживает внимания тот факт, что за несколько дней перед этим киевские «батюшки» ходатайствовали о разгоне той самой Государственной думы, которую они теперь приветствовали.

Так приспособлялась церковь...

В свою очередь буржуазия спешила авансировать духовенство. 12 марта в Нижнем-Новгороде на поповском собрании местный товарищ городского головы предложил духовенству немедленно устроить уездные съезды и на этих съездах выяснить размер жалования, необходимый для сельского и городского духовенства. При этом он указал, что городское самоуправление, получив сведения, будет ходатайствовать перед Временным правительством о выдаче денег церковникам[1].

В целом ряде мест, например в Саратове, попы решили «принять участие в праздновании 15 марта, посвященного памяти жертв освободительного движения»,— тех самых жертв, которых незадолго до этого они проклинали со своих амвонов.

Весьма интересно, как объясняли церковники своей пастве значение переворота и его причины. В официальном поучении, рекомендованном для прочтения в армии, читаем:

«Государь император Николай II, в согласии с Государственной думой, признал за благо отречься от престола государства Российского и сложил с себя верховную власть ради скорейшего доведения войны с жестоким врагом до победного конца»[2].

Эта «философия истории» принадлежала «либеральным батюшкам, а другие объясняли так:

«За грехи наши... господь наказал землю русскую, отнял у нас царя, помазанника божия. Теперь у нас Временное правительство,— правительство не «волею божиею», но «волею народа»... Будем ждать и надеяться, что выборные наши в Учредительном собрании, как триста лет тому назад, признают необходимой для России власть царскую, хотя бы власть и ограниченную, конституционную, как в Англии, а если это будет так, с радостью подчинимся новому царю, будем горячо молиться за него, будем верой и правдой служить ему»[3].

---

[1] «Всероссийский церковно-общественный вестник» № 2 за 1917 г.

[2] «Вестник военного и морского духовенства» № 7—8 за 1917 г., стр. 172.

[3] «Деятель» № 5—6 за 1917 г.

Отсюда видим, что попы-либералы считали нужным подчеркнуть, с одной стороны, связь между верхушкой буржуазии и Романовыми и вместе с тем утверждали необходимость и в новых условиях продолжать «до победы» грабительскую войну. Другие же представители духовенства, выражая позицию епископата, определяли Февральскую революцию, как «наказание божие» и продолжали вести монархическую агитацию.

Различное отношение к событиям проявили те церковники, которые ранее играли видную роль в черносотенном движении. Одни из них, как московский митрополит Макарий и харьковский архиепископ Антоний, продолжали занимать более или менее последовательную позицию. Так, например Антоний рекомендовал попам своей епархии для руководства черносотенную печать. Другие, как киевский епископ Никодим и московский протоиерей Восторгов, сделали поворот «налево».

Стараясь выявить свою политическую «лойяльность», в ряде мест попы на своих собраниях старались отмежеваться от тех своих собратьев, которые прославились наиболее реакционной деятельностью.

Так, например на собрании курских попов был заслушан доклад о деятельности б. члена Государственной думы тов. председателя местного «союза русского народа» и секретаря всероссийского «союза русского народа» протоиерея А. Мешковского. При обсуждении доклада установили, что поп Мешковский состоял студентом духовной академии и в то же время числился настоятелем одной церкви, пользуясь при этом бесплатной квартирой, полным содержанием, всевозможными льготами. Этот же поп получал значительные суммы от царской охранки. Собрание постановило исключить Мешковского «из своей среды».

«Вчера еще поклонялись, учили повиновению, служили царские молебны, сегодня, уже отрекаются; на площади, в красных ризах, с красными бантами, служат молебны во славу революции»,— такие речи, по сообщению церковной печати, пришлось услышать духовенству на одном из церковных митингов[1].

Таким образом, мы видим, что церковная организация, правда, с некоторой задержкой, но перешла на новые позиции. Церковники понимали, что новое правительство выражает интересы эксплоататорских классов. Церковники вполне правильно рассчитывали, что Временное правительство будет поддерживать интересы духовенства.

Что же касается ценности и искренности всех заявлений о верности «республиканским идеям», как это указывалось в телеграммах, то тут многие попы действовали по примеру некоего исправника из г. Елабуги, приславшего 3 марта на имя Родзянко такую телеграмму:

«Двадцать три года состоя скрытым республиканцем, имею честь ныне поздравить ваше превосходительство».

Необходимо констатировать, что перемена позиций была обусловлена не одним лишь стремлением приспособиться. Такое

[1] «Проповеднический листок» № 6 за 1917 г., стр. 32

объяснение является упрощенством и совершенно недопустимо. Как выше говорилось, православное духовенство не представляло собой единой массы. У митрополита Владимира, Макария, архиепископа Антония и других «князей церкви» отношение к событиям было иным, чем у какого-нибудь рядового сельского попа или псаломщика. Эти последние, тесно связанные с кулачеством, были заинтересованы в том, чтобы капиталистическое хозяйство в деревне развивалось беспрепятственно, а этому мешал царский абсолютизм. В то время как церковные верхи защищали интересы дворянские, точнее говоря — крупных землевладельцев, сельские и в не малой части городские попы находились в тесной связи с кулачеством и капиталистической буржуазией.

5

Взаимоотношения духовенства с Временным правительством и отношение к разным политическим партиям

Классовая позиция православной церкви в период весны и лета 1917 г. может быть вскрыта на примере тех взаимоотношений, которые установились между Временным правительством и духовенством.

Политика Временного правительства по отношению к церкви заключалась прежде всего в стремлении максимально использовать влияние религии. Эта политика соответствовала классовой природе буржуазии, всегда и везде использующей религиозный опиум в своих классовых интересах.

Присяга министров

15 марта 1917 г. все члены Временного правительства дали клятву. В полном составе они собрались в общем зале первого департамента сената и сели за особым столом, в центре зала. Сенатор С. Б. Врасский прочел текст присяги, а члены правительства повторяли соответствующие слова.

Присяга гласила:

«По долгу члена Временного правительства, волею народа по почину Государственной думы возникшего, обязуюсь и клянусь перед всемогущим богом в своей совести служить вере и правде народу державы Российской, свято оберегая его свободу и права, честь и достоинство, нерушимо соблюдая во всех действиях и распоряжениях моих начала гражданской свободы и гражданского равенства и всеми предоставленными мне мерами подавляя всякие попытки, прямо или косвенно направленные к восстановлению старого строя.

Клянусь приложить все разумение мое и все мои силы для осуществления в полноте всех обязательств, Временным правительством всенародно на себя принятых.

Клянусь принять все меры для созыва в возможно кратчайший срок, на основе всеобщего, прямого, равного и тайного голосования, Учредительного собрания, передать в руки его полноту власти, мною совместно с другими членами правительства вре-

менно осуществляемую, и преклониться перед выраженною сим собранием народною волею об образе правления и основных законах Российского государства.

В исполнении сей моей клятвы да поможет мне бог».

После этого присяга была подписана всеми «революционными министрами с указанием должностей. Тут же красовалась подпись и «самого» Керенского, подписавшегося: «Министр юстиции, генерал-прокурор А. Керенский». Текст присяги был выработан с его участием.

Следует обратить внимание на лживое указание присяги, что, дескать, Временное правительство возникло «волею народа по почину Государственной думы». Тут же было указано, что присяга дается «перед всемогущим богом», который призывается помогать Временному правительству!

Надо с полной силой подчеркнуть, что Керенский во Временном правительстве находился как член «социалистической» партии и пользовался полной поддержкой со стороны эсеров и меньшевиков. Эти предатели революции отнюдь не из формальных соображений благословили Керенского на присягу «перед всемогущим богом». И эсеры и меньшевики сразу же, с первых же дней Февральской революции, сделали все, чтобы опереться на религию и церковь в борьбе с развертывающимся революционным движением, возглавляемым партией большевиков.

Только большевистская партия, только она одна последовательно и решительно боролась с религией, этим худшим видом духовной сивухи, и вскрывала контрреволюционность всякой религии, всяких религиозных организаций.

Меньшевики и прочие «социалистические» партии стояли на платформе «уважения к религии», стремясь использовать религию как средство отвлечения трудящихся масс от пути социалистической революции, который только один вел к диктатуре пролетариата и к уничтожению власти капиталистов и помещиков.

Еще ранее, 7 марта, Временным правительством в полном согласии с церковниками был утвержден текст присяги на «верность службы Российскому государству для лиц христианского исповедания». Несколько иной текст был утвержден для лиц других религий.

Отличие этой присяги от прежней было очень незначительно. Последние слова гласили: «в заключение данной мною клятвы осеняю себя крестным знамением и ниже подписуюсь».

Эти примеры с изменением формы присяги свидетельствуют нам, что, как и при царизме, религия была призвана служить эксплоататорским классам.

Сохранение прежней системы церковного управления

Еще более типичной была политика управления

Вместо Раева обер-прокурором синода был назначен В. Н. Львов. Личность этого церковного деятеля заслуживает внимания, поскольку в его лице буржуазия выдвинула рулевого церковного корабля. В своих воспоминаниях известный монархист Шульгин,

описывая выбор кандидатов для сформирования кабинета министров, посвящает Львову следующие выразительные строки:

«Прокурор святейшего синода? Ну, конечно Владимир Николаевич Львов. Он такой «церковник» и так много что-то «обличал» с кафедры Государственной думы»[1].

Эта кандидатура была показательна. Не зря Шульгин заключает в кавычки «церковность» своего соратника. В годы войны Государственной думой была создана особая комиссия по реформе прихода, и Львов был ее председателем. На заседаниях между представителями Думы и синода были ожесточеннейшие прения. Однажды на указание представителей синода, что со стороны оппонентов «забывается чисто религиозная сторона прихода», Львов заявил, что «религиозная сторона — это психопатологическая сторона».

В этих словах Львов — как на ладони. Он считает религию «психопатологией» и в то же время очень ценит ее как «узду для народа».

Этот-то «церковник» и стал церковным министром, чтобы приспособить религиозный аппарат для новых господ.

Активный участник церковных событий тех дней проф. Титлинов сообщает такие сведения о правах обер-прокурора:

...«В состав нового правительства входил и новый обер-прокурор синода, коего права и обязанности остались те же, что и у прежних обер-прокуроров. Не было дано хотя бы новой обер-прокурорской инструкции, так что законодательной нормой для обер-прокуратуры продолжал быть Петровский регламент со всеми к нему дополнениями, созданными историческим процессом развития обер-прокурорской власти. И во всем другом законодательстве о церкви не произошло ни малейшей перемены.

Положение получалось такое, что, в сущности, юридически церковь не получила даже никакой свободы. Проводником государственного влияния на церковные дела служила обер-прокуратура. и раз ее полномочия не изменялись, то юридически все оставалось по-старому, с той только разницей, что вместо царя верховной инстанцией становилось Временное правительство. Временное правительство мыслило себя наследником царских полномочий. С другой стороны, в самом порядке внутреннего синодского управления оставался в силе весь обер-прокурорский аппарат. Представитель правительства, обер-прокурор, ставил свой штемпель, пропускал или не пропускал все синодские определения. Стало быть, через обер-прокурора то же правительство продолжало осуществлять, и в полном объеме, прежние полномочия государственной власти».

Систему управления буржуазия решила сохранить в прежнем виде. До Февральской революции эти же лица считали необходимым критиковать подчинение церкви самодержавию, а теперь, став у власти, они сохранили прежний порядок подчинения в полной неприкосновенности. И далее Титлинов пишет, что Вре-

[1] В. Шульгин — «Дни». Изд. «Прибой» 1926 г., стр. 138.

менное правительство предоставило свободу церкви лишь «декларативно», т. э. на словах.

Причина такой политики заключалась конечно в том, что буржуазия считала нужным непосредственно через институт обер-прокуратуры руководить в своих целях религиозным аппаратом. «Первый революционный обер-прокурор В. Н. Львов,— добавляет Титлинов,— в пользовании своим положением мало чем отличался от прежних обер-прокуроров. Ему приходилось даже действовать иногда более властно и резко, чем царским министрам церкви»[1].

Действительно, как и прежде, обер-прокурор синода отдавал приказы по своему ведомству, пропускал или задерживал решения синода и т. д., и т. п. Всю эту систему меньшевики и эсеры поддерживали и одобряли. Эти «социалисты» считали естественным и необходимым сохранить в своих руках церковный аппарат для борьбы с нарастающей социалистической революцией.

„Чистка" синода

Между синодом и новым начальством создались весьма натянутые отношения. Одним из моментов, характеризующих эти отношения, явилась попытка Львова произвести «чистку» синода и уволить некоторых епископов, которые считались недостаточно лояльными по отношению к новой власти.

Такими епископами Львов считал тобольского епископа Варнаву (известного своим скандалом в связи с канонизацией Иоанна), епископа Исидора («отпевал» Распутина), петербургского митрополита Питирима и московского митрополита Макария. Все эти лица в свое время были ставленниками Распутина и были близки к Романовым.

Согласно законам увольнение и назначение епископов можно было провести только по решению синода, на который в соответствующих случаях надо было производить необходимый нажим. В прежние годы синод был всегда послушен и никогда не смел отказывать обер-прокурору, как представителю царской власти. По свидетельству попа Введенского в свое время, при обсуждении вопроса о назначении Варнавы член синода архиепископ Литовский даже заявил, что «если в Царском селе пожелают, то мы и борова посвятим в епископы».

Но теперь обстановка была иная: божьего помазанника уже не было, и святейшие отцы встали в оппозицию к обер-прокурору. Без всяких споров они согласились на увольнение лишь одного епископа Варнавы. Его уволили с почетом, а на его место назначили известного черносотенца — саратовского епископа Гермогена.

Увольнение других епископов произошло после довольно продолжительной борьбы между Львовым и синодом. При этом члены синода заявляли Львову, что для увольнения того или другого епископа необходимо иметь соответствующее прошение об освобождении от епископской должности.

[1] Б. В. Титлинов — «Церковь во время революции», стр. 79.

И вот «ревностный» обер-прокурор стал добывать такие «прошения».

С митрополитом Питиримом и епископом Исидором дело кончилось без особых инцидентов.

Большой скандал произошел с митрополитом Макарием.

Помимо прежней связи с Распутиным, Макарию ставилась в вину его политика в первые дни революции. На запросы попов, можно ли молиться за Временное правительство, Макарий не дал своего согласия и многим говорил: «молитесь, как знаете».

Львов заставил Макария подписать прошение об отставке, но на следующий день Макарий, явившись в синод, пожаловался членам синода на обращение Львова, и в результате синод отказался исполнить предложение обер-прокурора.

Тогда была устроена следующая комбинация. Из Москвы явилась к членам синода поповская депутация с просьбой уволить Макария. Таким путем Львов одержал победу, и митрополит Макарий, как видно из постановления синода за № 1661, был уволен от управления московской митрополией с оставлением его членом синода и с назначением ему местопребывания в Николо-угрешском монастыре московской епархии.

Но этим дело не кончилось. По просьбе Макария синод дал ему двухнедельную отсрочку, чтобы он мог получить за этот срок жалованье и встретить «пасху» в должности митрополита.

И вот в последних числах марта Макарий решил «отомстить». Находясь в Троице-Сергиевской лавре, он составил совместно с епископом Федором особое обращение, где говорилось о запрещении богослужения в некоторых церквах московской епархии. Здесь указывалось также и на действия Львова. В телеграмме московского епархиального съезда на имя Львова говорилось: «Макарий отлучил от церкви всю Москву, запретив во всех церквах богослужения».

Львов спешно выехал в Москву. Сила, как говорится, соломку ломит. Макарий в конце-концов подчинился, уехал в Николо-угрешский монастырь и дал подписку «сидеть спокойно».

Тем дело пока и кончилось.

Стоит отметить, что «чистка» епископского состава в общем была незначительной. Из не-членов синода были уволены лишь Исидор и Варнава, в общем мелкие фигуры. Такие видные деятели черносотенного движения, как архиепископ Антоний, Евлогий и т. д., остались на своих местах.

Созыв нового состава

Для выполнения своих целей буржуазия желала иметь вполне послушный синод. В этом стремлении и заключалась причина чистки состава членов. Однако не зря царское правительство подобрало сюда «достойных» пастырей. Правда, они приспособлялись к новой обстановке, однако это приспособление не имело достаточных (соответствующих требованию буржуазии) темпов, и на этой почве возникали недоразумения.

Описывая первые шаги своей работы в синоде, Львов пишет:

«Это был совершенно особый вид сотрудничества. Все, что бы я ни предлагал, синод отвергал, и наоборот, все, что синод предлагал, я отвергал. Вот извольте работать при таких условиях!»[1]

Тогда же Львов предложил Временному правительству распустить синод и созвать новый. Но это предложение сочувственного отношения на первых порах не встретило. Представители буржуазии считали невыгодным немедленно применить резкую меру.

Однако, «чем дальше в лес, тем больше дров». После одного из очередных конфликтов, возникшего на почве отказа синода облегчить и ускорить бракоразводный процесс[2], Львов вновь предложил Временному правительству распустить синод. «Обойдитесь без этой крайней меры»,— ответил Милюков.

Такое деликатное дело в конце-концов было решено провести с предварительной подготовкой. На страницах газет была поднята соответствующая кампания.

В связи с делом митрополита Макария в «Речи» были напечатаны следующие многозначительные строки:

«... Разве не ясно, что благодаря отсутствию обновленной церковной власти мы накануне целого ряда подобных инцидентов? Конечно надо действовать осторожно, но всякая осторожность имеет свои пределы, за которыми уже начинается поощрение церковной смуты. И вот что особенно странно! Уже двести лет, как мы слышали протесты против реформы Петра, Духовного регламента, синода как учреждения «канонического». Откуда же у обер-прокурора такое преклонение пред незыблемостью синода? Не требует ли самое уважение к сану наших черносотенных иерархов их удаления с ответственных постов? Потакание слабостям иерархов, цепляющихся за свои посты и ради этого готовых предавать свои вчерашние убеждения, ведет, с одной стороны, к дискредитированию сана, а с другой — вызывает глубоко печальные факты самоуправства»[3].

Такую же кампанию за «обновление» синода повел и «Всероссийский церковно-общественный вестник», выходивший под редакцией проф. Титлинова как представителя Петербургской духовной академии.

Основной грех, по словам газеты, заключался в том, что синод не старается с достаточной быстротой «приспособиться к новым потребностям и политическим условиям». Тут же были осторожные выпады против «нерешительной политики» Временного правительства, указывалось, что «время не ждет», и было выражено опасение, чтобы «церковная революция» не началась «снизу».

Затем было решено выдвинуть «тяжелую артиллерию» в лице «церковного союза членов Государственной думы». Этот «союз» впоследствии был переименован в «совещание членов Государственной думы по делам православной церкви». Вопрос о ре-

---

[1] Цитирую по книге М. Горева «Последний святой», стр. 24.

[2] «Затяжная война,— пишет Львов,— создала гражданские сожития в широком масштабе. Требовалось в кратчайший срок урегулировать новые создавшиеся браки, расторгнуть старые, лишь формально существующие»

[3] Цитирую по газете «Всероссийский церковно-общественный вестник» № 4 за 1917 г.

форме синода членами Думы обсуждался двакды. Первый раз — 11 апреля, на узком собрании особой «исполнительной церковной комиссии» в составе В. П. Шеина, В. А. Потулова, М. И. Арефьева и попов А. В. Смирнова, Ф. Д. Филоненко, П. Т. Василенко и А. А. Трегубова.

«Решено,— сообщала церковная пресса,— обратиться к Временному правительству, через синодального обер-прокурора, с указанием на необходимость немедленного созыва новой сессии синода в составе шести архиереев и шести пресвитеров, которая и занялась бы кардинальными вопросами церковной жизни»[1].

Через два дня, 13 апреля, эта резолюция была утверждена общим собранием указанной организации. В качестве мотивов были указаны такие доводы:

«После совершившегося государственного переворота святейший синод, к прискорбию, не проявляет той энергичной деятельности, которая требуется важностью переживаемого момента... Только в обновленном составе святейший синод может приняться за энергичную созидательную работу, столь необходимую при нынешних чрезвычайных обстоятельствах»[2].

После этой подготовки на следующий день был подписан указ Временного правительства такого содержания:

«За увольнением членов святейшего синода, преосвященных митрополитов петроградского Питирима и московского Макария, на покой и за окончанием зимней сессии святейшего синода Временное правительство постановило: 1) освободить от присутствования в святейшем синоде преосвященных: первенствующего члена святейшего синода митрополита киевского Владимира, архиепископов: новгородского Арсения, литовского Тихона, гродненского Михаила, нижегородского Иоакима и черниговского Василия и протопресвитеров: Александра Дернова и Георгия Шавельского; 2) оставить на летнюю сессию святейшего синода присутствующего ныне в синоде члена оного преосвященного архиепископа финляндского Сергия и 3) вызвать для присутствия в святейшем синоде преосвященных — архиепископов: члена святейшего синода, экзарха Грузии Платона и ярославского Агафангела и епископов: уфимского Андрея и самарского Михаила, протопресвитера московского Большого Успенского собора Николая Любимова и протоиереев: профессора петроградской духовной академии Александра Рождественского, членов Государственной думы и профессора петроградского университета Александра Смирнова и Феодора Филоненко.

Министр-председатель князь Львов.

Обер-прокурор святейшего синода В. Львов.

Управляющий делами Временного правительства Влад. Набоков.

14 апреля 1917 г.».

Новые члены синода имели «заслуги», и впоследствии некоторые из них широко «прославились». Так, например архиепископ Платон при Деникине организовывал в Одессе «священные отряды»

---

[1] «Всероссийский церковно-общественный вестник» № 6 за 1917 г., стр. 2.

[2] Там же.

на уголовных преступников для отпора Красной армии; архиепископ Агафангел в годы нашей первой революции прославился в Прибалтийском крае своим содействием царским карательным отрядам; уфимский епископ Андрей был видным деятелем колчаковщины. Другие были «не хуже».

В общем как чистка, так и роспуск синода были вызваны стремлением буржуазии и социал-предателей укрепить религиозный аппарат и усилить влияние религии. В революционной борьбе тех лишь все эти меры имели назначение улучшить систему религиозного контрреволюционного воздействия на массы.

На роспуск синода и созыв нового состава буржуазная печать откликнулась вполне положительно. Соответствующие статьи были напечатаны в «Русском слове», «Раннем утре», «Русской воле» и т. д.

На страницах социал-предательской прессы не было напечатано ни строчки протеста по поводу созыва нового синода. Это обстоятельство заслуживает быть отмеченным. Дело в том, что роспуск синода как нельзя ярче показал отношение Временного правительства к церкви. Временное правительство стремилось всецело приспособить религиозный аппарат к новой обстановке классовой борьбы, к тому, чтобы церковь в современных условиях с успехом могла выполнять свою роль верного слуги капитала. Всю эту политику меньшевики и эсеры одобряли и в лице своего представителя Керенского помогали провести в жизнь. «Социалистические» партии во главе с меньшевиками санкционировали созыв нового синода. Они не боролись с церковью, а добивались такого состава синода, который обеспечивал бы наилучшее обслуживание церковью капиталистических интересов.

Большинство церковников встретило созыв нового синода рядом приветствий на имя Львова. Одно из них гласило:

«Духовенство 5-го округа Кирилловского уезда Новгородской епархии, выразив полное свое подчинение Временному правительству, по почину Государственной думы возникшему, считает своим нравственным долгом засвидетельствовать вам, господин обер-прокурор, свое особенное сочувствие вашей деятельности на пользу православной церкви, питая надежды, что вы не допустите восторжествовать самовластию и деспотизму высшей иерархии в церкви божией, выведете ее из той бездны, в которую ее ввергнули старым строем, и поставите ее на путь соборного управления и свободного развития. Ваша обильная деятельность как члена Государственной думы служит залогом наших надежд на то».

Этот пример свидетельствует, что рядовая масса духовенства во многих местах относилась к буржуазному Временному правительству несколько иначе, чем «князья церкви», стремившиеся к реставрации монархии.

Учреждение министерства исповеданий

Продолжая традиции старого режима, новый обер-прокурор старался по возможности крепко держать в руках церковный руль. В апреле 1917 г. за его подписью всем секретарям духовных консисторий был разослан циркуляр, в котором его автор рекоменду-

ностью» указывалось секретарям о «возложенной на них законом обязанности — быть представителями в епархиях обер-прокурорской власти». Циркуляр предписывал секретарям консистории «строго и неуклонно блюсти за правильным и точным исполнением на местах действующих гражданских узаконений и о всяком их нарушении — от кого бы из лиц, состоящих на службе по епархиальному ведомству, подобное нарушение ни исходило — рапортовать обер-прокурору без промедления».

Карьера Львова продолжалась однако не очень долго. В июле 1917 г. в новом составе Временного правительства обер-прокурором назначили кадета А. В. Карташова. На первом же заседании правительства было принято решение уничтожить должность обер-прокурора синода и заменить ее министерством исповеданий, сохранив за обер-прокурором его прежние полномочия лишь до выработки нового положения о духовных делах.

...«Это не значит,— заявляла официальная церковная печать,— что государственное око совершенно удаляется от церковного управления. Министерство исповеданий, заменяющее в том числе и обер-прокуратуру, вовсе не будет и не может быть нейтральным зрителем совершающихся в церкви событий... Оно всегда сохранит право надзора за действиями церковного управления, и напрасно некоторые полагают, что такой надзор будет простираться лишь на соответствие церковной деятельности государственным законам. Государственная власть должна и будет стоять на страже и внутренней закономерности церковного управления»[1].

Это значило, что никаких серьезных изменений в отношениях церкви и государства внести не предполагалось.

Несколько позже, 5 августа, было принято следующее постановление «об учреждении министерства исповеданий».

«1. Учредить министерство исповеданий на нижеследующих основаниях:

1) Министерство исповеданий образуют: министр, два его товарища, департамент по делам православной церкви, департамент по делам инославных и иноверных исповеданий и юрисконсультская часть министерства.

2) Министр исповеданий и его товарищи назначаются из лиц, принадлежащих к православному исповеданию.

3) Ведению министерства исповеданий подлежат дела: а) касающиеся ведомства православного исповедания, временно в том объеме, в коем они ныне подлежат ведению обер-прокурора святейшего правительствующего синода, и б) дела инославных и иноверных исповеданий, составлявшие до сего времени предмет ведений министерства внутренних дел по департаменту духовных дел иностранных исповеданий.

4) Впредь до преобразования, на основаниях, подлежащих выработке всероссийским поместным собором, церковного управления и коренного пересмотра отношений государственной власти к исповеданиям при новом строе, министру исповеданий в отношении дел, предусмотренных в статье 3 сего (1) отдела, при-

[1] «Всероссийский церковно-общественный вестник» № 78 за 1917 г.

сваиваются права и обязанности, ныне принадлежащие обер-прокурору святейшего правительствующего синода и министру внутренних дел по принадлежности»...

III. Сохранить за указанными в отделе II учреждениями, впредь до дальнейших преобразований, все отпускаемые как из государственного казначейства, так и из специальных средств кредиты на содержание сих учреждений и прочие довольствия.

IV. Упразднить должности обер-прокурора святейшего правительствующего синода и его товарища.

Подписали:

Министр-председатель А. Керенский.

Министр внутренних дел Н. Авксентьев.

Обер-прокурор святейшего синода А. Карташов.

5 августа 1917 года».

Отсюда мы видим, что согласно новому закону, создавалось централизованное управление всеми религиозными организациями, куда входило и управление обер-прокурора и управление министерства внутренних дел. Эта реформа устранила исторически отживший институт обер-прокуратуры и вместе с тем полностью сохранила прежнюю зависимость церкви от государственного аппарата. Недаром указывалось, что министр исповеданий будет иметь двойные права: обер-прокурора и министра внутренних дел. Заслуживает внимания, что министр и его заместители будут «православного исповедания». Наконец характерно, что все ассигнования должны были сохраниться за духовенством по прежним традициям.

В кадетской «Речи» по поводу этого закона и дальнейших мероприятий говорилось:

«...Церковная политика нового строя будет проводиться с разумной постепенностью... Новый строй не может не относиться с особой бережностью к народным святыням, к историческим ценностям России».

В «Русской воле» по поводу образования министерства исповеданий писали:

«...Как ни как, а государство, «покровительствуя», будет ставить и свои требования. Чтобы покровительствуемые культы получили такую carte blanche, какую они желают, это едва ли осуществимо...»

В «Свободном народе» указывалось, что не следует забывать «огромную общественную роль церкви в настоящее время». Предлагая подойти к церкви «с государственной точки зрения», газета заявляла, что церковь «полезна» Временному правительству.

Все это свидетельствует, что Временное правительство и различные буржуазные группировки прекрасно учитывали политическую реакционную силу церкви и считали нужным ее использовать в своих видах и интересах.

Должность министра исповеданий Карташов занимал до самой Октябрьской революции.

Постановление Временного правительства об учреждении министерства исповеданий, как видно из документа, имело три подписи: эсеров Керенского и Авксентьева и кадета Карташова.

Кутлерская партия эсеров солидаризировалась с партией российской буржуазии. Отсутствие меньшевистских подписей конечно не свидетельствует, что меньшевики были против учреждения министерства исповеданий. Представители меньшевиков без всяких возражений согласились на эту реформу, целиком сохранявшую опеку над церковью со стороны государственной власти, а меньшевистская пресса одобрила ее. Одна лишь большевистская партия вскрывала контрреволюционный смысл всех этих реформ в отношении церкви.

Экономическая поддержка Временного правительства

Тесный контакт между Временным правительством, с одной стороны, и церковной организацией, с другой, можно видеть на примере экономической поддержки церковниками мероприятий Временного правительства и в первую очередь пресловутого «займа свободы».

Этот внутренний заем имел назначение выкачать из населения как можно больше денег на продолжение империалистической войны, на осуществление грабительских вожделений российского империализма. Это предприятие буржуазия считала нужным осуществить в самом широком масштабе (цифра займа не была ограничена), а в качестве приманки заем был назван «займом свободы 1917 года».

В статье т. Сталина «Две резолюции», напечатанной в «Правде» от 11 апреля 1917 г., было разоблачено отношение социал-предателей к «займу свободы». Тов. Сталин указывал, что Петербургским исполнительным комитетом Совета рабочих и солдатских депутатов, находившимся тогда под руководством меньшевиков и эсеров, была принята резолюция, определявшая этот заем «как заем в пользу свободы». Этому решению т. Сталин противопоставлял резолюцию рабочих механического отделения Русско-Балтийского завода. Здесь говорилось, что заем «заключается с целью продолжения братоубийственной войны, выгодной лишь империалистической буржуазии», и указывалось, что социал-предатели «таким отношением к делу пролетариата изменяют Интернационалу».

По утверждении Временным правительством займа было решено максимально использовать церковную организацию. 25 марта министр финансов Терещенко обратился в синод через обер-прокурора с письмом за № 470—4724, в котором просил «об оказании православным духовным ведомством содействия успешному распространению выпускаемого Временным правительством на покрытие военных расходов нового займа под наименованием «заем свободы 1917 года».

Заслушав письмо, синод принял решение оказать Временному правительству возможное содействие. Попам было предложено призывать население к подписке. Свободные деньги монастырей и церквей рекомендовалось истратить на приобретение «займа свободы».

Это постановление было опубликовано в официальном органе синода — «Церковные ведомости». Помимо этого министр финансов обратился с письмом следующего содержания:

«Ваше высокопреподобие, отец настоятель!

По распоряжению святейшего синода от 29 марта 1917 г. № 1893 предоставлено министерству финансов объявить народу по всем церквам России с церковного амвона о выпуске «займа свободы».

Поэтому покорнейше прошу вас в ближайшие воскресные и праздничные дни предложить народу за всенощной и литургией прилагаемые поучения с объявлением о подробных условиях займа и порядке его приобретения и не отказать в вашем пастырском словесном разъяснении ему о значении и пользе займа.

Препровождаемое при сем воззвание покорнейше прошу вывесить на дверях храма.

Министр финансов М. Терещенко».

Таких писем было отпечатано свыше 50 тыс. экземпляров. Приложенные к письму два образца «Поучений с церковного амвона о «займе свободы» призывали население отдать «последнее достояние» для покупки облигаций. Тут же указывалось, что, получив деньги, правительство закупит «множество снарядов и пуль» и таким путем, дескать, удастся «защитить свободу».

Кроме этого обер-прокурор синода обратился также с особым письмом ко всем попам, учащим церковно-приходских школ и церковным старостам:

...«Я, как член Временного правительства и обер-прокурор святейшего синода, обращаюсь к вам с усердною просьбой притти на помощь правительству в деле ознакомления населения с предстоящей кредитной операцией и для сего всеми доступными вам средствами и путями разъяснять населению необходимость самого широкого участия его по патриотическим побуждениям в означенном займе, выяснять выгодность помещения денег в этот заем и осведомлять население о местах, где приобретаются облигации, а также со всеми условиями и льготами по их покупке и залогу»...

Это письмо тоже было разослано в количестве многих десятков тысяч экземпляров.

В соответствии с такими директивами церковники начали вести самую широкую агитацию. Объявления о займе были помещены на первых страницах «Церковных ведомостей» №№ 18—19, 20—21, 22—23, 24—25 и т. д. и т. п.

В церковной газете «Всероссийский церковно-общественный вестник» из номера в номер крупным шрифтом печатались такие призывы:

«Не жертвы требует от нас родина, а исполнения долга.

Одолжим деньги государству, поместив их в новый заем, и спасем этим от гибели нашу свободу и достояние» (№ 9).

«Граждане, помните, что успех «займа свободы» будет иметь прямым последствием уменьшение количества бумажных денег в стране, а это в свою очередь должно поднять стоимость кредитного рубля и соответственно уменьшить дороговизну жизни» (№ 12).

Обслуживая интересы буржуазии, религиозные организации развернули активную работу по сбору денег на нужды войны. Согласно указаниям синода, во всех церквах были выставлены особые кружки. На снимке поп Казанского собора в Петрограде призывает население к пожертвованиям на войну.

Во имя спасения завоеваний революции мы сегодня будем настойчиво взывать: граждане, поддерживайте заем (№ 30).

«Стойте на страже свободы и чести родины.

Помогите ей не только словом, но и делом, и докажите, что вы благодарный сын вскормившей вас матери.

Подписывайтесь на «заем свободы» (№ 46).

Все это — из номера в номер.

В своих призывах, как видим, духовенство не стеснялось ничем. «Спасение» свободы, «защита» достояния, «уничтожение» дороговизны, получение «верного дохода», спасение «завоеваний революции», исполнение «сыновнего долга» — все доводы пускала в ход церковная пресса.

В церковных изданиях печатались статьи на темы «Чистота

верия и «заем свободы»[1], «Приходское самообложение и «заем свободы»[2] и т. д.

Поповская агитация очень возможно помогала буржуазии. Что же касается ассигнования церковных капиталов, то тут больших успехов буржуазии добиться не удалось. Представители церкви предпочитали ограничиваться призывами, а свои денежки хранить наличными.

Отношение к политическим партиям

Действительная классовая позиция церкви обрисовывается при изучении отношений церковников к различным политическим партиям. Представители духовенства любят говорить о своей «внеклассовой» политике. Мы знаем, что различные политические партии выражали разные классовые интересы. Куда же, в чью сторону склонялся компас «церковной симпатии?

Многочисленные памятники эпохи бесспорно свидетельствуют, что огромное большинство духовенства отдавало предпочтение буржуазной партии кадетов, партии «народной свободы», вернее сказать, партии народного рабства.

В отчете о воронежском епархиальном съезде говорилось:

«...По вопросу об объединении на одной политической платформе духовенство признало единственно приемлемыми те начала, которые люди могут найти только в программе партии «народной свободы»[3].

В Челябинске местный епископ Серафим «заявил челябинскому комитету партии «народной свободы» о своем желании войти в состав партии»[4]. Когда 5 мая в этом городе начала выходить газета «Народная свобода», то редакция обратилась к съезду духовенства с призывом «объединиться» около газеты, сотрудничать в ней и помогать ее распространению. Со стороны попов поступили сочувственные отклики.

Оренбургским духовенством при выборах в городскую думу было принято решение составить один общий список с кадетами, с тем «чтобы в первый десяток списка кандидатов партии были включены один кандидат от духовенства и один от корпорации духовно-учебных заведений, а затем три кандидата были поставлены после № 15»[5].

«Мы решаемся утверждать, - писал поповский инструктивный журнал «Проповеднический листок», - что из всех политических партий, выдвинувшихся в настоящее время в России, одна лишь партия народной свободы с действительной серьезностью относится к церковному вопросу... Лишь в партии народной свободы находим мы стойкое служение свободе» (№ 7—8).

Этот журнал выходил в г. Киеве.

---

[1] «Всероссийский церковно-общественный вестник» № 14 за 1917 г.
[2] Там же, № 76 за 1917 г.
[3] Там же, № 22, за 1917 г.
[4] Там же № 62, стр. 4.
[5] Там же № 69, стр. 2

обращает внимание, что на съезде кадетов в 1917 г. церковным вопросам было уделено большое внимание. Проф. Новгородцев по церковному вопросу читал специальный доклад. Выступая в прениях, проф. Котляревский сказал, что «благовест церковь будет благовестом нашего национального возрождения».

После этого съезда в руководящей церковной газете «Всероссийский церковно-общественный вестник» в одной из передовиц прямо указывалось, что «партия церкви есть «партия народной свободы». Статья была посвящена анализу текущих событий, вопросам деятельности кадетов и озаглавлена «Партия церкви» (№ 84).

Во многих публичных выступлениях кадетов духовенство оказывало им свою поддержку.

Не трудно понять, в силу каких причин завязался роман церковников с кадетами. При царизме этого явления не было. Тогда симпатии церковников тяготели к «союзу русского народа». Но теперь, после Февральской революции, при господстве буржуазии, партия кадетов была на самом правом фланге, так как другие, более правые партии никакого серьезного веса не имели. Приспособляясь к новой обстановке, духовенство видело теперь в кадетах своих господ, чья власть сулила им сохранение эксплоататорского строя и многочисленных привилегий.

При выборах в учредилку духовенство в ряде мест вступало в блок с кадетами. Этот блок был чрезвычайно характерным явлением эпохи.

Правда, не все церковники тяготели к кадетам. Нужно знать, что значительная часть духовенства мечтала о «добром старом времени», о возврате к «царским порядкам». Именно таким образом была настроена церковная верхушка, церковное епископское руководство. Но в силу условий текущей действительности они не считали целесообразным слишком открыто проявлять свои настроения.

Что же касается «левого» крыла церковников, то оно вполне определенно склонялось к кулацкой партии эсеров. Уфимский епископ Андрей сообщал в печати, что в его епархии социалисты-революционеры «прекрасно работают в церковной жизни» [1]. Это признание было сделано в августе 1917 г. Известный эсер Вишняк в № 46 «Дела народа» выдвинул предложение, чтобы при выборах в учредилку попам было предоставлено право выбора «во имя торжества свободы». В эсеровских газетах печатался подбор текстов из «священного писания» в «защиту» демократической республики. А в одном из местных церковных изданий прямо писали: «так как среди крестьян наиболее распространяется программа партии социалистов-революционеров, то духовенству, прежде всего сельскому, следовательно духовенству в массе, придется примкнуть к этой же партии» [2].

Осенью 1917 г., в связи с подготовкой «всероссийского демократического совещания», попам от имени «эсера» Авксентьева

---

[1] «Всероссийский церковно-общественный вестник», № 98 за 1917 г.
[2] «Тверские епархиальные ведомости» № 25—26 за 1917 г., стр. 260

и меньшевика. Чхеидзе было сделано предложение прислать своего представителя[1].

Среди значительной части рядового духовенства старинные тенденции вернести «батюшке царю» все же были достаточно прочны. Настолько прочны, что на этой почве даже возникли инциденты между сторонниками различных течений.

Любопытна следующая заметка церковной прессы.

«Утро России» сообщает, что в Киеве на собрании мирян и духовенства, под председательством митрополита Владимира, проф. духовной академии Кудрявцев обрушился на духовенство за пресмыкание его перед старой властью. Один из священников ответил, что пресмыкание было, но оно будет и ныне, перед революцией, что видно из отказа духовенства от выписки «Русского знамени». Из публики раздались крики: «Долой! Вон!» В собрании поднялась буря. Дошло даже до рукопашной схватки. Спасло только пение «христос воскресе», начатое частью собравшихся»[2].

Самое замечательное в информации — это слова, что «пресмыкание было и будет». Чрезвычайно интересны были попытки дать «теоретическое обоснование» политической деятельности духовенства и его отношение к тем или другим политическим партиям[3].

«Церковь, — писал Титлинов. — не может одинаково относиться ко всем партиям. Во имя своей христианизаторской миссии она неизбежно должна одних «любрять, других неприять»... Этой борьбы не чуждается христианство, а считает ее священной. Мир со злом не заключал Христос; он предвидел, напротив, жестокую борьбу с ним своих последователей и заранее предупреждал их, что не мир, а меч он пришел принести на землю... Наша политическая жизнь вступила в период острой борьбы... Партии обозначились так резко, что примирительная точка зрения неприемлима даже при желании. Служителям церкви необходимо делать выбор и заявлять свое мнение»[4].

Здесь все-таки не было указано, какая же партия наиболее подходит для духовенства. В других статьях, разбирая различные программы, Титлинов вполне определенно писал, что такой партией может быть лишь партия «народной свободы», так как она «считает вредной коренную ломку социальных отношений без соблюдения справедливости к имущим и не обольщается идеей социализма». «Христианские симпатии, — добавлял профессор, — будут на той стороне, которая эволюцию предпочитает революции»[5].

---

[1] «Всероссийский церковно-общественный вестник» № 119 за 1917 г.

[2] Там же, № 5 за 1917 г.

[3] Отношение меньшевиков к церкви и духовенства к меньшевикам можно видеть по материалам моих работ «Меньшевики и поповщина после февральской революции» и «Меньшевики и поповщина в борьбе против Октябрьской революции» (изд. «Безбожник»)

[4] «Всероссийский церковно-общественный вестник» № 48 за 1917 г., статья «Христианская политика».

[5] Там же, № 84 за 1917 г., ст. «Политические партии и свобода христианства»

Среди многочисленных приветствий, посланных церковными съездами и собраниями на имя Временного правительства, и его членов, невольно обращают на себя внимание те телеграммы, которые были отправлены Керенскому. Какими только эпитетами ни называли попы ставленника буржуазии и соглашателей! Тут были такие выражения, как «поборник правды», «олицетворение доблести», «идейный вождь», «главный оплот всех вооруженных сил», «голос народной совести» и т. д. и т. п.

На имя Керенского приветствия были посланы от «всероссийского съезда духовенства и мирян», «всероссийского съезда военного и мирского духовенства», «всероссийского миссионерского съезда» и многих других поповских совещаний.

Керенский к поповскому сословию тоже относился вполне благосклонно. Как на пример такого отношения можно указать на следующее постановление Временного правительства, опубликованное в «Собрании узаконений и распоряжений».

«В изменение и дополнение надлежащих указаний постановить: предоставить святейшему синоду всероссийской православной церкви право награждать лиц высшей иерархии церковным саном митрополита, архиепископа, бриллиантовым крестом на клобук, митрою и наперсным крестом с украшениями.

Подписали: Министр-председатель А. Ф. Керенский.
Министр исповеданий Карташов» [1].

Какое отношение проявляло к церкви Временное правительство, можно видеть также на примере приветствия церковному собору, произнесенного Карташовым от Временного правительства 16 августа 1917 г.

Здесь было сказано, что Временное правительство «гордо сознанием видеть открытие сего церковного торжества под его сенью и защитой».

«Временное правительство сознает себ'я,—,з'а'явил Карташов,—стоящим в тесной близости к делам и интересам православной церкви... Все прежние правящие установления российской церкви, к учреждению коих государственная власть приложила печать своей санкции, остаются в полной силе их действия и не могут быть поколеблены»...

---

[1] Цитирую по вступительной статье г. Шпицберга в книге Э. Дэвисон — «О боге и чорте».

6

Организационная работа церковников и их отношение к вопросу об отделении церкви от государства

Развертывание организационной работы и церковные с'езды после Февральской революции

Царские законы давали православной церкви привилегированное положение. В борьбе с другими религиозными организациями православное духовенство пользовалось системой жестких преследований. Урядник и поп были охранителями православия.

Новые условия требовали приспособления к обстановке и выработки новых методов и приемов. На необходимость этого приспособления и соответствующих организационных мер указывала руководящая церковная пресса. Любопытным памятником подобных стремлений служит воззвание попа Василия Богословского, опубликованное «Всероссийским церковно-общественным вестником» 23 апреля 1917 г.

«Братья священники!.. Настал благоприятный момент для широкой деятельности; настал момент, обязывающий к колоссальной работе... Момент этот роковой. Необходимо проснуться, необходимо стремительно организоваться и, не медля ни минуты, приступить к новой работе... Кругом нас жизнь кипит...

У нас в руках все условия для успешной деятельности... Мы всегда можем и вне храма сеять здоровые политические понятия, например об учредительном собрании, республике, конституционной монархии, о подписке на «заем свободы» и т. п., можем развивать подобные темы при всяких встречах с народом на сходах, собраниях и т. п. У нас в руках литература, газеты, журналы, брошюры, листки.

Проснемся же, пока еще не поздно!.. Откроем для темных масс народа фонтан здоровых политических мыслей, понятий и суждений, рассеем их сомнения, разъясним недоуменные вопросы... Братья священники! Прочь равнодушие, медлительность, бездеятельность!»...

Значение этого воззвания, как видим, в призыве к максимальной политической активности, в том, чтобы церковь в новых условиях заняла боевую позицию и сумела бы оказывать на массы максимальное реакционное влияние.

Сразу же после Февральской революции начинается широкая организационная работа. Во многих губерниях были организованы «союзы духовенства», повсеместно были созваны поповские совещания и съезды.

Материалы церковных съездов свидетельствуют, во-первых, что попы стремились улучшить свое положение, во-вторых, принимались решения о выработке указаний по различным вопросам деятельности духовенства, и кроме того все резолюции свидетельствуют о политической линии церковников по отношению к Временному правительству, крестьянскому движению, продолжению войны и т. д. и т. п.

Любопытны такие примеры.

Екатеринбургским епархиальным съездом в мае 1917 г. были приняты решения о недопустимости земельных захватов, и одновременно в резолюции указывалось, что широкое самоуправление» может быть предоставлено отдельным племенам в меру их культурности». В воззваниях херсонского съезда указывалось, что «православие на Руси должно быть сугубо неприкосновенно и досточтимо»[1]. Съездом студентов Киевской духовной академии на заседании 10 мая по докладу о «политической ориентации академического студенчества» была принята резолюция, где говорилось о необходимости организации особой «христианской партии», в задачу которой входил бы «контроль всех сторон государственной и общественной жизни». Таким образом клерикальные вожделения выступали вполне открыто. В резолюции московского епархиального съезда указывалось, что, «прежде чем говорить о спасении революции, надо подумать о спасении России» и что стране нужна «твердая власть».

Все эти резолюции свидетельствуют об одном: церковь являлась орудием буржуазной контрреволюции. Именно поэтому-то попы и принимали решения о защите помещичье-капиталистической собственности, об укреплении власти эксплуататорских классов и т. д. В условиях революционного подъема поповщина стремилась к укреплению своих позиций.

К работе церковных съездов буржуазно-соглашательская пресса относилась вполне сочувственно. Так например по поводу съезда попов курской епархии «Русская воля» с одобрением отмечала, что попы решили возможно чаще «устраивать в деревнях чтения, митинги, лекции и просто беседы».

„Всероссийский с'езд духовенства и мирян" в июне 1917 г.

Политическая физиономия церковных съездов лучше всего может быть видна на примере «всероссийского съезда духовенства и мирян», состоявшегося в Москве в первых числах июня 1917 г.

На съезде присутствовало около 1 200 делегатов от местного духовенства и церковного «актива». По словам церковников, этот съезд явился выразителем мнений всей «православной Руси».

[1] «Всероссийский церковно-общественный вестник» № 9 за 1917 г.

Приветствуя съезд, представители различных буржуазных организаций выразили надежду, что работа съезда будет содействовать «успокоению» классовой борьбы.

В первый день съезда был заслушан доклад преподавателя Московской духовной семинарии М. И. Струженцева об отношении к переживаемым событиям. Тут указывалось, что «царская власть перестала существовать по воле божией». Признавая необходимость подчиняться Временному правительству, Струженцев заявил, что его деятельность соответствует «требованиям христианской совести». Доклад говорил о необходимости «войны до победы». Заключительные слова тезисов гласили: «Нужен повсеместный горячий призыв к немедленному прекращению классовой и партийной розни».

Съезд признал необходимым послать несколько телеграмм-приветствий на имя Временного правительства, Керенского, Родзянко и т. д. В телеграмме Временному правительству было сказано, что съезд приветствует Временное правительство как «опору порядка и законности в стране». Телеграмма на имя Керенского гласила:

«Русский православно-церковный народ, впервые свободно собравшийся в составе делегатов клира и мирян в сердце России — Москве, приветствует министра-гражданина Керенского — главный оплот всех вооруженных сил России, и молитвенно желает ему с той же твердостью и отвагой продолжать стоять на его беспримерно тяжком и исключительно важном сторожевом посту России, чтобы всегда быть таким же самоотверженным поборником правды, голосом народной совести и олицетворением русской доблести».

Подчеркивая значение этой телеграммы, кадетская «Речь» провозглашала, что Керенский является «надеждой России» и что церковный съезд вполне прав в своем приветствии.

Следует отметить, что на с'езд явились представители президента САСШ Вильсона — Крейн и Мотт. Первый из них был американским капиталистом, любителем православного хора, и по сообщению церковной прессы содержание такого хора в САСШ стоило ему 60 000 долларов в год. Второй из них, Мотт, был председателем Христианской ассоциации молодых людей. Выступая на с'езде, Мотт сказал, что православной русской церкви ввиду текущих событий нужно развить активнейшую деятельность, чтобы противодействовать развитию классовой борьбы и как можно лучше обслужить интересы милитаризма.

В заключительном заседании съезда 12 июня была утверждена декларация, и решено было широко распространить ее в армии, на разных фронтах, и среди населения.

Декларация призывала к прекращению борьбы крестьян против помещиков и рабочих против капиталистов.

«Всякие самоуправные действия, — говорилось в резолюции, — к отнятию монастырских, церковных и частновладельческих земель и вод, а равно к затруднению и ограничению пользования ими, решительно осуждаем».

К рабочим попы обратились с такими словами:

«Горячо призываем рабочих в настоящую смутную и беспримерно тяжелую годину общего расстройства не требовать немедленного осуществления всех своих, хотя бы и справедливых, пожеланий, а напротив, насколько возможно, увеличить трудовую энергию и число рабочих часов».

Заключительные слова гласили:

«Все прочее население страны зовем к труду и терпению, к более чем когда-либо необходимому исполнению денежных и натуральных повинностей... Умоляем взаимной уступчивостью прекратить губящие родину и нас вместе с нею внутренние раздоры и соединиться для дружного, всенародного и могучего отпора врагам на рубежах».

Директивы буржуазии и помещиков «всероссийский съезд духовенства и мирян» проводил вполне последовательно.

Церковные планы по вопросу об отношениях церкви и государства

Для оценки позиции духовенства весьма ценный материал дают постановления церковных съездов и различных поповских организаций по вопросу о взаимоотношении церкви и государства. Руководящие круги церкви, так же как и огромное большинство поповской массы, были против отделения. Церковники стремились, однако, сохраняя связь с государством, внести ряд изменений в систему отношений. Как видно из резолюций церковных съездов, попы желали, чтобы церковная организация была освобождена от неудобной им опеки и контроля со стороны государственного аппарата. Вместе с тем они стремились полностью сохранить свои прежние привилегии.

В качестве примера укажем на резолюцию екатеринославского епархиального собрания. Тут говорилось, что «православная церковь при всякой форме правления должна обладать свободой внутреннего самоопределения в отношении своего устройства, управления, учения и жизни». Далее указывалось, что «в будущих основных законах надлежит признать православную церковь первою между равными», что будущий царь или президент должен исповедывать православие, что во всех официальных актах должны участвовать лишь представители православной церкви и т. д. и т. п.

Многие постановления церковных съездов гласили, что духовенство должно получать увеличенное жалование из государственных средств.

Характеризуя подобные стремления, т. Лукин вполне правильно делал следующие выводы:

«Попы, - писал т. Лукин, - надеялись, с одной стороны, избавиться от всякого контроля светской власти, в рабстве которой они находились при самодержавии, от всякого вмешательства этой власти во внутреннюю жизнь церковных организаций,— назначение на церковные должности, надзор за церковными имуществами и т. п., а с другой — новая власть должна была по-прежнему оплачивать служителей государственной церкви из

казенных средств, оставить за православным духовенством его прежнее положение в школе, армии и т. д. Словом, имелось в виду не отделение церкви от государства, а лишь освобождение церкви от всякой опеки со стороны государства, но при условии сохранения за православием значения государственной религии»[1].

Вышеуказанный «всероссийский съезд духовенства и мирян» тоже высказался против отделения церкви от государства. Секцией «по вопросу об отношении церкви к государству» была выработана такая резолюция:

«1. Отделение церкви от государства не может быть допущено, но должна быть объявлена и последовательно проведена свобода вероисповедания и культа.

2. Православие признается первою среди других исповедуемых в России религий.

3. Соответственно с этим православная вера пользуется преимуществом во всех актах государственной жизни, в которых государство обращается к религии.

4. Глава русского государства и министр исповеданий должны быть православного вероисповедания от рождения.

5. Православная церковь является институтом публично-правового характера, коему государство оказывает покровительство в законе и материальную поддержку»[2].

На пленарном заседании съезда 7 июля эта резолюция была утверждена, причем, по предложению генерала Артамонова, к § 3 было внесено добавление:

«Православная церковь, представляющая величайшую святыню русского народа, должна быть ограждена законом от всяких поруганий как на улице, так и в печати».

Это значило, что не только антирелигиозную пропаганду, но даже религиозную критику православия попы считали «совершенно недопустимой».

В периодической церковной печати и в массовых листках велась оживленная агитация против отделения церкви от государства. В связи с этим издательским советом при синоде была издана листовка «Судьба православной церкви в обновленной России». Автором ее был новоявленный проф. П. В. Верховский, впоследствии, при Деникине, игравший на юге видную роль по организации церковной контрреволюции.

В мае 1917 г. в московском церковном журнале «Московский церковный голос» (№ 8 и 9) передовицами были напечатаны две статьи проф. Верховского на тему «Проект отдела о вере в будущей конституции России». В § 18 этого проекта было такое требование:

«Ассигнования из средств государственного казначейства на нужды православной церкви, других церквей и религиозных обществ и их служителей не подлежат сокращению».

---

[1] Брошюра «Революция и церковь».

[2] «Московский церковный голос» № 12—13 за 1917 г., стр. 9

Оказывается, что увеличивать ассигнования можно, а сокращать нельзя. Амнистии, как видим, не очень опасные.

Со стороны Временного правительства поповские вожделения встречали в общем сочувственное отношение. Совместно с представителями предсоборного совета церковного собора в июле 1917 г. министерством внутренних дел был выработан следующий «проект урегулирования взаимоотношений между религиозными обществами и государством».

«1. Каждая признанная государством церковь пользуется полной свободой и самостоятельностью во всех своих делах, управляясь по собственным своим нормам, без всякого прямого или косвенного воздействия или вмешательства государства.

2. Органы церкви находятся под надзором государственной власти лишь постольку, поскольку они осуществляют акты, соприкасающиеся с областью гражданских или государственных правоотношений, каковы матрикация, бракосочетание, развод и т. д.

3. По делам этого рода надзор государственной власти ограничивается исключительно закономерностью действий органов церкви.

4. Органом такого надзора является министерство исповеданий. Окончательное разрешение дел о законномерности действий церковных органов принадлежит правительствующему сенату, как высшему органу административной юстиции.

5. Государство участвует ассигнованием средств на содержание церкви, их органов и установлений. Средства эти передаются прямо церкви. Отчет по израсходованию этих средств сообщается соответствующему государственному установлению».

Таким образом поповские вожделения со стороны Временного правительства получали соответствующую поддержку.

Несколько иное отношение к вопросу об отделении церкви от государства проявляли представители «союза прогрессивного и демократического духовенства». Они считали возможным и целесообразным это отделение, с сохранением однако за церковниками их многочисленных привилегий и всех богатств. В качестве примера эта публика указывала на САСШ, где система религиозного одурманивания пользуется со стороны буржуазии всевозможной поддержкой.

Целью широкой организационной деятельности церковников в период после Февральской революции было укрепление влияния церкви. Характер этой деятельности показывает, что духовенство «работало» для борьбы с нарастающей революцией, для более успешного подавления революционных стремлений рабочего класса и крестьянства.

И конечно церковники получали всяческую поддержку от буржуазии, сепаратный заказ которой они выполняли вполне последовательно.

7

Обслуживание интересов милитаризма

Захватив власть, российская буржуазия продолжала империалистическую политику царского правительства. Объясняя значение империалистической войны, в открытом письме к делегатам I Всероссийского съезда крестьянских депутатов т. Ленин писал:

«Война эта захватная. Ее ведут капиталисты всех стран из-за своих захватных целей, из-за увеличения своих прибылей. Трудящемуся народу эта война ни в коем случае ничего, кроме гибели, ужасов, опустошения, одичания, не несет и принести не может. Поэтому наша партия, партия сознательных рабочих, партия действительно передовых крестьян, решительно и безусловно осуждает эту войну, отказывается оправдывать капиталистов одной страны перед капиталистами другой страны, отказывается поддерживать капиталистов какой бы то ни было страны, добивается скорейшего окончания войны посредством свержения капиталистов во всех странах, посредством рабочей революции во всех странах».

Вот эту-то грабительскую войну Временное правительство решило продолжать. Еще 3 марта за границу была послана правительственная телеграмма с информацией о перевороте. Заключительная часть указывала, что в новых условиях будут сделаны все усилия и принесены все жертвы «для достижения решительной победы». Эти слова на разные лады повторялись буржуазной прессой. Нота Временного правительства от 18 апреля, отправленная союзникам, также гласила о войне до победного конца и на дипломатическом языке выражала стремление грабить побежденных, захватить чужие земли и т. д.

Буржуазия не ограничивалась словами. При поддержке социал-предателей было сделано все возможное для укрепления власти офицерского состава, для сохранения каторжной дисциплины, для обмана солдатской массы, для того, чтобы эта масса была послушным орудием империалистических планов. Впоследствии, 18 июня, по приказу англо-французского капитала была сделана попытка начать наступление на юго-западном фронте. Эта попытка полностью провалилась, закончилась решительным крахом.

Оценивая положение, следует помнить, что все эти события развертывались во второй половине третьего года войны. В армии

росло и крепло классовое расслоение. С одной стороны было офицерство, выражавшее классовые вожделения и стремления буржуазии и помещиков, с другой — миллионы рядовых, миллионы рабочих и крестьян. Непрерывные поражения, недостатки снабжения, растущая усталость создали условия, при которых солдатская масса начала понимать бессмысленность и чудовищ-

По распоряжению царского правительства многие сотни колоколов были сняты с церквей, находившихся в прифронтовой полосе западного фронта и в захваченной царскими войсками Галиции. Впоследствии эти колокола были использованы для военных целей.

ность войны. Процесс революционного пробуждения подвигался вперед быстрыми темпами. В лице генералов и офицеров масса солдат видела своих классовых врагов. Чем далее шла война, тем более было примеров солдатских выступлений против командного состава.

Вскоре же после Февральской революции армия становится ареной ожесточенной классовой борьбы. Эта борьба в конечном счете должна была решить исход революционного движения в стране: если буржуазии и ее подголоскам удастся сохранить свое влияние на солдатскую массу, то эта сила будет использована для массовых расправ с рабочими и крестьянами, как это было в 1905 г.; если же положение сложится иначе, то карта буржуазной контрреволюции будет бита. Вот эту простую истину прекрасно понимали эксплоататорские классы, и поэтому в армии

была развернута энергичная работа. Генеральский и офицерский состав в основном принадлежал к сторонникам кадетов. Прямой опорой кадетов в рядах армии являлись меньшевики и эсеры. Против этой об'единенной коалиции действовала могучая революционная сила — партия большевиков, партия пролетариата, возглавлявшая революционную борьбу пробуждающейся солдатской массы.

В борьбе против большевистского движения в рядах армии кадеты, меньшевики и эсеры не гнушались никакими средствами: братание было объявлено «изменой», большевики — «немецкими агентами», прекращение войны — «гибелью родины» и т. д. и т. д. Но все эти меры не давали эксплоататорским классам желательного результата: в армии росли и крепли большевистские ячейки, с успехом распространялась большевистская пресса, указывавшая массам подлинный и верный выход из кровопролитной бойни.

Милитаристическую программу буржуазии православная церковь при царизме всемерно поддерживала и проводила в жизнь. В рядах царской армии существовало ведомство военного и морского духовенства, руководившее поповской работой в солдатской массе. После революции военные попы, так же как и вся православная церковь в целом, на службе у новых хозяев продолжали свою работу во славу мирового империализма.

Приведение солдат к присяге Временному правительству

Один из первых фактов использования религии для обслуживания интересов милитаризма заключался в приведении войск к присяге. Временным правительством в первых числах марта был утвержден текст присяги, посредством которой буржуазия стремилась связать революционную волю солдатской массы и воспитать в последней «верность» интересам эксплоататорских классов. Недаром здесь говорилось, что солдат должен быть верен угнетателям «не щадя жизни» и «до последней капли крови». Тут же и обещание «повиноваться всем поставленным начальникам, чиня им полное послушание». Солдат должен был говорить, что эту клятву он дает «перед богом». В заключение все присягавшие крестились и подписывались.

Текст присяги был приспособлен для всех религиозных течений: для лютеран из заключительной фразы были выброшены слова «осеняю себя крестным знамением»; для магометан вместо последних слов была фраза: «заключаю сию мою клятву целованием преславного корана и нижеподписуюсь»; для лиц иудейского вероисповедания были исключены слова «осеняю себя крестным знамением».

Все боги были призваны на службу буржуазии.

При приведении к присяге неизменно присутствовали попы различных религий. По частям войск было разослано громадное количество бланков, в верхней части которых был напечатан текст присяги. Под этим текстом и на обратной стороне должны

были расписываться все присягающие. Выше всех расписывался поп, и тут указывалось, что «к присяге приводил священник такой-то».

Ввиду большого количества присягавших листы, расписывались на чистых листах, после чего приложились к основному тексту.

Солдаты не доверяли попам и офицерам. Рабочий Корнилий Сулак 18 августа 1917 г. в письме, адресованном Петроградскому совету рабочих и солдатских депутатов, сообщал, что 31 марта им получено от племянника, служащего 180-го Измаильского полка, письмо с сообщением о таких фактах:

«Здесь, в армии, очень вздорные слухи ходят: мы присягали присягу новому, Временному правительству на списках, а вот ходят слухи, что эти списки с подписями будто бы начальство на заседаниях написало не новому, Временному правительству, а старому»...[1].

Член Государственной думы И. О. Янушкевич, объезжавший по поручению Думы некоторые участки фронта в районе Глубочево — Воропаево, 18 марта сообщил Думе, что «некоторые отдельные группы солдат отказались принимать присягу [2], так как не доверяли офицерскому составу и полагали, что присяга будет использована в интересах реакции».

Помимо Янушкевича части войск объезжали и другие члены Государственной думы в том числе и поп Филоненко. Из отчета Филоненко видно, что его миссия заключалась в контрреволюционной милитаристической агитации.

Милитаристическая деятельность духовенства в тылу, использование богослужения и агитации

В этот период, так же как и при царизме, церковная система обслуживания интересов империализма была развернута в широком масштабе.

Церковные съезды и различные религиозные организации неизменно заявляли о необходимости «продолжать войну до полной победы», на имя верховного главнокомандующего отправляли телеграммы с выражением приветствий.

Попы писали, что победоносное окончание войны «обеспечит торжество правды и справедливости». Такими словами затемнялся действительный смысл войны и грабительские, империалистические цели ее организаторов. По примеру прежних лет во всех церквах продолжались сборы на военные «нужды».

Церковные молитвы и различные богослужебные церемонии также были использованы. Из прежних милитаристических молитв было выброшено упоминание о царе, а все остальное осталось по-прежнему. Весной 1917 г. в виде бесплатного приложения к № 18 «Церковных ведомостей» синод распорядился разослать текст специальных молитв об успехе войны. Эти молитвы попы должны

[1] Сборник «Солдатские письма 1917 г.», стр. 73.
[2] «Революция армии в 1917 г.», стр. 46.

были в обязательном порядке читать «на вечерне, на утрене и на литургии», а также на молебнах.

Помимо этого время от времени устраивались специальные агитационные выступления. Например в Ленинграде, по сообщению церковной прессы, «в день св. троицы было совершено всенародное моление ко всевышнему, с крестными ходами из столичных храмов к Исаакиевскому собору, о даровании победы нашему воинству над врагами и об утолении и прекращении вражды и потрясений внутренних»[1]. В этот день во многих местах города по пути шествия крестных ходов специально назначенные церковные агитаторы произносили речи, призывая к «войне до победы» и к прекращению классовой борьбы.

Так же как и при самодержавии, церковные издательства печатали милитаристические листовки. Например 5 марта 1917 г. Киево-Печерская лавра издала листок на тему «С крестом в сердце, с мечом в руке». В этом обращении необходимость войны доказывалась следующими рассуждениями:

«Господь наш Иисус христос в своей беседе перед страданиями говорил ученикам своим: «Не мир пришел я принести, но меч» (Мф. 10,34) и еще: «Теперь продай одежду свою и купи меч» (Лук. 22,36).

Этот меч, который взяли мы для того, чтобы отразить вооружившихся на нас врагов наших, уже не есть орудие убийства, а орудие правды божией. Он должен почитаться нами»[2].

Церковь служила организаторам империалистической бойни, как мы видим, откровенно и неприкрыто.

Московский поп Иоанн Ивин поместил «стихи» под заголовком «Грозное слово врагам».

Тут были такие строки:

Вы прокляты от небо
В своих жилищах, городах,—
Земля не даст вам больше хлеба:
Ваш труд весь проклят на полях.
И проклят плод жены во чреве,
И проклят плод земли твоей,—
Все проклял бог в правдивом гневе:
Плоды полей, овец, коней.
И проклят ты везде при входах,
И проклят в выходах своих,
И проклят ты во всех народах,
Во всяком деле рук своих...
Палящим ветром, жгучим зноем
Господь дохнет к вам с высоты,
Оденет струпьями и гноем,
Доколе не погибнешь ты...
И трупы ваши будут пищей
Всем хищным птицам и зверям,

---

[1] «Всероссийский церковно-общественный вестник» № 29 за 1917 г., стр. 4.
[2] Из серии «Свет печерский» № 10 за 1917 г.

И будешь голоден, как нищий,
Мир не придет на помощь к вам.
Бог поразит тебя проказой,
Коростой и чахоткой злой,
Для мира станешь ты заразой,
Жестокой язвой и чумой.
Накажет бог тебя безумьем,
Оцепененьем, слепотой,
И побредешь ты с претыканьем,
Как ходит ощупью слепой»[1] и т. д.

Это произведение любопытно как памятник церковной агитации.

В этот период существовал контакт между деятельностью церковной прессы и работой издательского отдела Центрального военно-промышленного комитета. В главной церковной газете «Всероссийский церковно-общественный вестник» многократно на первой странице крупным шрифтом было напечатано обращение к духовенству «исполнить долг перед родиной» и помочь Центральному военно-промышленному комитету путем широкого распространения его изданий среди населения. Обращение было подписано ротмистром Всеволодом Михайловичем Трилицким[2]. Одновременно церковная пресса печатала списки рекомендуемых изданий, где были произведения кадетской, эсеровской, меньшевистской и церковной издательской кухни.

Рекомендуя эти издания Центрального военно-промышленного комитета, церковная пресса заявляла:

«События и задачи общественности здесь уясняются с точки зрения правового порядка, государственности и православной веры, издательство старается внести единство и сплоченность в народ, в противоположность партийным выступлениям. Духовенство — приходское и военное — найдет в этих изданиях обильный материал для собеседования»[3].

Дело ясное: попы и буржуазия действовали единым фронтом.

С'езды военного духовенства

4 и 6 марта в Ленинграде состоялось совещание местного военного духовенства. На этом собрании, обсудив происшедшие события, приняли решение «всемерно содействовать об'единению вокруг нового правительства и не ослаблять проповеднической деятельности, внушая солдату мысль о важности дисциплины в целях скорейшего одоления внешнего врага».

17 апреля по распоряжению Шавельского снова состоялось собрание с участием попов, приехавших из армий. В связи с новыми условиями собрание признало необходимым развить усиленную агитационную работу, пользуясь для этого указаниями Шавельского.

---

[1] «Московские церковные ведомости» № 9—10 за 1917 г., стр. 83—85.
[2] Напечатано в №№ 33, 35, 37, 38 и т. д.
[3] «Всероссийский церковно-общественный вестник» № 49 за 1917 г., стр. 4.

В других городах после Февральской революции также состоялись с'езды военных попов. По сообщению «Всероссийского церковно-общественного вестника», состоявшийся в Проскурове с'езд военных попов вынес резолюцию, в которой говорилось, что война должна быть доведена до сокрушения Германии.

Было постановлено также возбудить ходатайство о скорейшем созыве всероссийского с'езда военного духовенства в Петрограде и о включении в состав синода протопресвитера Шавельского. В это время Керенский был военным и морским министром. К нему явилась делегация с'езда и была им любезно принята. В

На позиции было отправлено около тысячи военных походных церквей. Об этом заботились буржуазия и церковь, так как военные церкви были агитационными пунктами эксплоататорских классов.

свою очередь попы-делегаты приветствовали социалистического министра и выразили надежду, что господин министр «силой своего обаяния сумеет воодушевить войска» и повести их к разгрому Германии. Попы дали торжественное обещание, что они будут «всеми силами поддерживать бодрость в среде организованных солдат».

В ответ на эти излияния Керенский благосклонно заявил делегатам, что вопрос о включении в состав синода протопресвитера Шавельского разрешен в желательном для военного духовенства смысле.

После этого приема с'езд обратился с обширным воззванием к армии и флоту, в котором призывал сплотиться вокруг Керенского и прекратить братание.

В таком же роде принял обращение к солдатам и матросам с'езд попов юго-западного фронта. Заключительные строки его воззвания, широко распространенного на фронте, гласили:

«...Изгоните из земли родной врага лютого. Порвите позорное братание с врагом своего отечества. Не слушайтесь лукавых и злостных агитаторов, которые натравливают вас на междоусобную борьбу, на разрыв союза с друзьями верными и на неповиновение своим начальникам. Все эти смуты и раздоры только на-руку врагу нашему. Забудьте обиды старые. Об'единяйтесь около своих военноначальников и, осенив себя крестным знамением, двиньтесь стеною плотною на врага дерзкого и коварного. За подвиг самоотверженной любви вашей к отечеству увенчает вас господь вечною славою».

Призывая солдат вновь и вновь проливать свою кровь, поповские с'езды себя тоже не обижали. Так например с'езд попов 5-й кавалерийской дивизии постановил «немедленно освободить» себя от пребывания в армии, заменив себя иеромонахами, «которые,— заявил с'езд,— в монастырях вследствие досуга скандалят». «Мы провозглашаем,— гласила резолюция с'езда,— клич: монахи в окопы!»

Этот же с'езд признал необходимым в виде отличия для всех попов, служивших в армии, установить особый наперсный крест. Наконец 12-й (последний) пункт резолюции с'езда гласил, что «военное духовенство должно носить одежду своего полка»[1].

Несколько позже, в июле 1917 г., состоялся всероссийский с'езд военных попов. Почетным председателем избрали протопресвитера Шавельского, а ответственным секретарем — протоиерея Спасского. Поп Спасский при Врангеле был помощником управляющего военным духовенством врангелевской армии.

7 июля на заседании с'езда выступал представитель офицерства. Он заявил, что офицерство нуждается в поповской помощи. С'езд принял ряд решений о формах церковной работы в армии и обратился к солдатам с милитаристическим воззванием.

Наступление 18 июня и церковь

Военное духовенство призывало солдатскую массу продолжать войну. Солдатские же с'езды энергично протестовали против затягивания войны.

С каждым днем отрицательное отношение солдатских масс к продолжению войны становилось все более ясным. На фронте установилось фактическое перемирие. О значении братания Ленин писал, что «братание есть революционная инициатива масс, есть пробуждение совести у масс, сознания угнетенных классов, есть, другими словами, одно из звеньев в цепи шагов социалистической, пролетарской революции».

Однако англо-французский капитал требовал крови, требовал наступления во что бы то ни стало. Ведь грабительские, захватнические империалистические цели войны не были еще достигнуты.

---

[1] «Всероссийский церковно-общественный вестник» № 32 за 1917 г.

9 мая 1917 г., выступая в палате депутатов, французский министр Рибо говорил, что «мира можно добиться только путем продолжения войны». «Пусть, — заявил Рибо, — реорганизованная русская армия докажет мощным наступлением, что она понимает обращенный к ней призыв».

В кадетской, эсеровской, меньшевистской и поповской прессе, послушной зову своих хозяев, начинается агитация за наступление и ожесточенная травля большевиков. Широко льются грязные потоки лжи и клеветы по адресу тех, кто раз'яснял массам действительный смысл событий.

Могла ли армия наступать?

Солдатская масса была раздета, разута, голодна. На фронте не было самого необходимого вооружения. Солдаты не доверяли офицерам — ставленникам господствующих классов. Солдаты были измучены. Солдатская масса уже начинала понимать, что жертвы и страдания служат лишь хищникам международного капитала.

По поводу братания церковная пресса заявила, что «мир с Германией был бы сейчас смертоносным миром», и тут же указывалось, что, участвуя в братании, «мы за поцелуй немца продаем будущую Россию».

Состоявшийся в Ленинграде церковный и епархиальный с'езд в своем воззвании, опубликованном 23 мая, заявил, что в армии должно существовать полное единение солдат и офицеров:

«Безумцы, остановитесь! Забудьте распри! Враг у ворот стоит государства нашего. Под прикрытием взаимных у вас распрей он рвется на нас, разорит нас, погубит дорогую нашу родину, погубит свободу нашу».

Одновременно с организацией широкой кампании лжи и клеветы, с формированием «батальонов смерти» и с поездками «героя» Керенского принимаются меры к «воодушевлению» солдатской массы путем религиозной обработки.

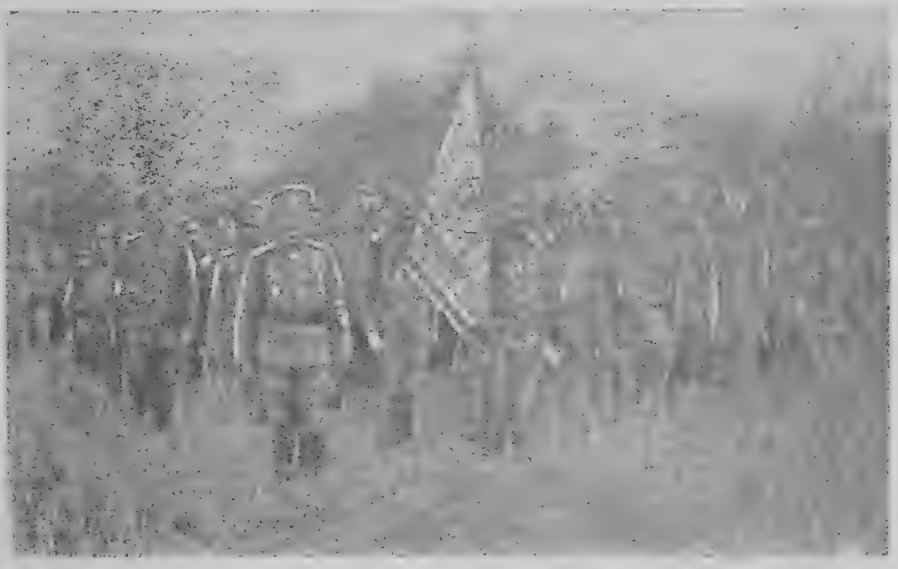
Но солдатские массы весной 1917 г. были уже не те, что в начале войны, и духовенство не пользовалось авторитетом.

9 мая, по требованию верховного главнокомандующего генерала Алексеева (впоследствии организатора Добровольческой белогвардейской армии), на фронт экстренно вызывают представителей союза «прогрессивно-демократического духовенства» — священников Александра Введенского, Егорова и А. Боярского. 11 мая в ставке состоялось совещание с участием указанных лиц и самого главного начальника военного и морского духовенства, верного царского прислужника протопресвитера Шавельского. На этом собрании представители прогрессивно-демократического духовенства дали торжественное обещание «приложить все усилия» к тому, чтобы «поднять настроение» измученной солдатской массы, поднять настроение для того, чтобы солдаты смело пошли в пасть бессмысленной бойни и погибли за грабительские стремления капиталистов.

Совещание кончилось, началась работа. «Демократические» батюшки отправились «воодушевлять» солдат.

Каждому из них поручили особый участок фронта и дали особый автомобиль, на котором он об'езжал войска, порученные ему для обработки.

Говорили речи «о партиях», о «дисциплине», о «врагах свободы — большевиках», о необходимости «погибнуть за свободу» и т. д. и т. д.! Они выступали как представители нового, «прогрессивно-демократического» духовенства, которое «тоже революционно». Го-



По требованию французского капитала за проданные царской армии снаряды и пушки несколько полков русской армии были отправлены во Францию. Фотография показывает русские войска на поле Мирабо.

спода офицеры оказывали им всевозможное содействие. Как же?! Ведь «демократические» батюшки умели подойти к солдату!

Затем попы вернулись в тыл.

18 июня началась жуткая трагедия наступления. Опять, — в который раз! — рабочий пошел на рабочего, крестьянин на крестьянина. Угрозы расстрелом и лживые слова свое дело сделали.

Крупными буквами церковная газета кричала:

«Армия исполняла свой долг перед родиной. Она перешла в наступление. Исполните же свой долг перед родиной, и все поддержите армию, подпишитесь на «заем свободы»[1].

В этот период церковники считали нужным дать свое благословение вновь формируемым ударным частям — «батальонам смерти» и женским отрядам. В июле 1917 г. женский «батальон смерти» в Москве получил от союза георгиевских кавалеров икону Георгия-победоносца. В этом поднесении участвовал митрополит Тихон. Он освятил икону, обошел женские «войска» и благословил ударниц.

[1] «Всероссийский церковно-общественный вестник» № 85 от 25 июня 1917 г.

21 июня 1917 г. в Ленинграде тоже была совершена торжественная церемония освящения знамен «первой женской военной команды смерти Марии Бочкаревой». Знамя было сделано из золотой парчи, и на нем был изображен черный крест.

После крушения империалистических планов, после того, как наступление 18 июня окончилось неудачей, церковь осталась верной своей милитаристической программе.

Журнал московских попов заявлял:

«...С крестом в руках и иконой владычицы при персях пусть встанут святители и наиболее известные в общественной жизни перед лицом мятущейся армии, пусть заклинают ее всем дорогим православному сердцу положить конец постыдному бегству, притти в себя, обрести вновь утраченное чувство мужества...»[1].

Когда 11 июля Временным правительством было принято решение о восстановлении для солдат смертной казни, то церковная пресса одобрила это постановление.

По адресу солдат-большевиков эта пресса заявляла, что они «трусы», «крикуны» и «помогают германцам». «Нам надо не продолжать революцию,— говорили попы.— а поскорее вместо нынешней разрухи заводить порядок»[2]. Одновременно велась агитация за продолжение войны, за сохранение верности империалистам Антанты.

Награды военным попам

За реакционную и милитаристическую деятельность военным попам при Временном правительстве было выдано значительное количество наград. Так например из постановлений Временного правительства за три дня (24 апреля, 9 мая и 9 июня) видно, что лишь за указанные дни военным попам были выданы следующие награды:

ордена св. Владимира с мечами	. . . . .	22 шт
» » » без мечей	. . . . .	15 »
» » Анны 2 ст. с мечами	. . . . .	17 »
» » » без мечей	. . . . .	53 »
» » » 3 ст. с мечами	. . . . .	20 »
» » » » без мечей	. . . . .	98 »
мечей к орденам св. Анны 2 ст.	. . . . .	4 »
» » » » 3 ст.	. . . . .	2 »
» » » св. Владимира 4 ст.	. . . . .	1 »

Помимо указанных орденов были выданы золотые и серебряные медали и т. п.

Наградные листы военных попов свидетельствуют, что награждение выдавались не зря.

27 апреля 1917 г. командир 7-го стрелкового полка подал командиру 2-й бригады 2-й сибирской стрелковой дивизии рапорт за № 197.

---

[1] «Московский церковный голос» № 20 за 1917 г.

[2] «Всероссийский церковно-общественный вестник» № 74 за 1917 г

Здесь говорилось, что, пользуясь доверием солдатской массы, поп Коровкевич «помог солдатам правильно разобраться в новых течениях как общественной, так и войсковой жизни». Благодаря его деятельности «была сильно облегчена работа по проведению нового порядка внутренней жизни части», и «в полку не было крупных нарушений дисциплины».

Отсюда следует, что поп Коровкевич был первым помощником господ офицеров. За такую-то «полезную» работу начальник Нефедьев и называл его достойнейшим и просил о награде для него.

Реакционно-милитаристическую деятельность выполняли также и госпитальные попы. В наградном листе 260-го полевого запасного госпиталя на попа Иоанна Спедзе было указано, что он представлен сразу к трем наградам: к золотому кресту, к чину протоиерея и к ордену св. Анны 2-й степени.

Любопытна мотивировка. В представлении начальнику главный врач Н. Цветаев написал, что золотой крест следует выдать попу Спедзе «за патриотическую объединительную деятельность по изоляционно-пропускному пункту для пленных», чин протоиерея, по мнению Цветаева, поп Спедзе заслужил «за ревностное служение церкви и отличное усердное проповедывание слова божия»; представление же к последней награде было обосновано следующими доводами: «за созидание и оборудование церкви и религиозно-патриотическую деятельность по госпиталю и дарницкому гарнизону».

Таким образом основной мотив — «патриотическая деятельность». Офицеры в рясах были активными агентами российских помещиков и буржуазии. За усердную службу [illegible] им и полагались награды.

8

Монархическо-черносотенная „работа" весной и летом 1917 г.

При самодержавии православная церковь верно служила царизму. Духовенство вело монархическую агитацию, создавало культ семьи Романовых. Любопытным памятником такой деятельности церкви является колокольня Михайловского монастыря в Киеве. На ее верхушке был поставлен крест, а сверху креста была приделана корона. Эта символика свидетельствовала о тесной связи между монархизмом и православием.

В одном из церковных изданий 17 мая 1917 г. было напечатано следующее признание:

Патриотизм был превращен в обоготворение царской особы и в преклонение перед властями. Незадолго до революции один из видных представителей церковной власти на одном из торжественных монархических собраний настаивал на «догмате» царского помазания с прямо-таки вещественным расширением этого «догмата» об излиянии даров помазания царя через его указы на назначенных им министров и всяких угодных ему чиновников. Итти дальше было некуда. Отказываемся понять, что это было: полное ли неразумие, неразвитость или чистое холопство. Весь патриотизм отождествлялся с так называемым черносотенством [1].

Это называется делать «хорошую мину при плохой игре». В действительности удивляться здесь нечему. Все дело в классовой сущности православия. Церковь была аппаратом полицейской святой Руси и попутно выполняла роль Распутина. После Февральской революции православная церковь перешла на службу к новым хозяевам. В соответствии с этим изменилось богослужение, изменилась проповедь. Однако кончилась ли монархическая работа церковников? Нет, не кончилась. Для иллюстрации классовой позиции православия, насквозь пропитанного монархическими традициями, стоит вспомнить несколько фактов, свидетельствующих, что и после Февраля попы не прекратили монархической агитации.

---

[1] «Московский церковный голос» № 5 за 1917 г., стр. 2.

В некоторых статьях, напечатанных в церковных изданиях после Февральской революции, указывалось, что за грехи наши «господь наказал землю русскую,' отнял у нас царя, помазанника божьего», и далее шли откровенные призывы стоять за «власть царскую».

Известно также, что в ряде мест (правда, в очень немногих) церковники отказались в первые дни революции признать Временное правительство[1].

Видные церковные черносотенцы тоже пытались организовать монархическую агитацию. Пример такого рода мы видим в деятельности харьковского архиепископа Антония, впоследствии претендента на патриарший пост, председателя черносотенного Карловицкого собора 1921 г. и злобного врага советской власти. В мартовской книжке журнала «Пастырь и паства» он рекомендовал попам своей епархии книгу черносотенного протоиерея Буткевича «Уроки первой французской революции», в которой оплевывалось также и революционное движение в России.

Некоторые попы, как например Восторгов, признав Временное правительство, считали нужным продолжать монархическую деятельность.

«Среди московского духовенства,— заявляла «Всероссийский церковно-общественный вестник»,— большое недоумение вызывает поведение И. Восторгова. Духовенство требовало его удаления из клира, однако он не только остается здесь, но и продолжает богослужение в храме Василия Блаженного. 25 марта Восторгов выпустил листки к мирянам. В этих листках говорилось о трех китах, служащих основанием русского государства, и одним из этих китов автор считал божьего помазанника — царя. Как говорят, листки получали большое распространение»[2].

В дополнение к этому «Московский церковный голос» (№ 3, за 1917 г.) сообщал, что в прошлом номере «Церковности» был напечатан призыв к верности «помазаннику божьему».

По распоряжению Временного правительства и церковных властей издание «Церковности» временно было приостановлено.

В первых числах апреля, как сообщала газета «День», в городе Грозном Терской области во время церковной службы в церкви Михаила-архангела раздавались брошюры, призывающие прихожан встать на защиту царизма. При этом были арестованы два местных попа, церковный староста и его помощник. Все указанные лица были доставлены в милицию.

17 июня 1917 г. «Волынские народные известия» сообщали, что местным губернским советом объединенных общественных организаций принято следующее постановление о конфискации типографии Почаевской лавры, находящейся в г. Здолбунове:

«Ввиду того, что типография Почаевской лавры, находящаяся в Здолбунове, служила проводником человеконенавистнических идей и может в настоящее время, находясь в руках погромщиков, принести неисчислимый вред делу революции, губернский совет

[1] Например в Москве, в Даниловском монастыре.
[2] № 5 за 1917 г., стр. 4, ст. «В Москве».

вместителя: взять типографию в ведение губернского исполнительного комитета и временно передать Здолбуновскому общественному совету для наблюдения и использования»[1].

Монархическая черносотенная агитация велась особенно умело в крупных монастырях. При этом черное воинство делало дело

Тобольский епископ Варнава. Одна фотография изображает его в женском костюме, а другая—в архиерейской одежде. В женской одежде Варнава снялся в бытность монахом во время одного разгульного „развлечения". Архиереем Варнава был назначен по требованию Григория Распутина.

ездили в окрестные селения и пытались развить контрреволюционную работу в рядах солдатской массы. В этом направлении особенную славу стяжал известный почаевский архимандрит Виталий, председатель почаевского отдела «союза русского народа». Об его проповедях в прифронтовой полосе юго-западного фронта «Русские ведомости» сообщали:

«Касаясь войны, Виталий говорит, что война кончится не скоро, ибо немцы крепки, потому что любят своего царя. Касаясь внутреннего положения, Виталий доказывал, что разруха кончится не скоро, ибо деревня любит царя и постоит за него».

Полковыми комитетами местных полков были вынесены постанов-

[1] «Волынские народные известия» № 6 за 1917 г., стр. 13.

ления об его аресте. В конце концов он был арестован и конечно не посажен куда следует, а лишь препровожден в Киев и помещен «в покоях» Михайловского монастыря.

Из этого примера можно видеть, что, несмотря на решение волынского исполнительного комитета, монашеские кадры Почаевской лавры продолжали монархическую агитацию. Кстати сказать, только в июле 1917 г. было напечатано сообщение о прекращении издания черносотенных «Почаевского листка» и «Русского инока».

Еще более интересный пример массовой монархической работы дают издания уфимского попа Иоанна Хохлова, впоследствии переведенного в Москву. Известно, что в так называемые «царские дни», в дни коронований, именин и в дни рождений представителей дома Романовых, церковь проводила усиленную монархическую кампанию, ставившую своей задачей укреплять самодержавие, осенять его сиянием святости. Один из царских дней приходился на 14 мая. Перед попами встал вопрос: неужели отказаться в этот день от обычной и столь милой им монархической агитации? И конечно в эти дни во многих церквах произносили соответствующие, более или менее откровенные, речи. Так вот в мае и июне 1917 г. издательство вышеупомянутого попа Хохлова выпустило комплект журналов, в которых имелись черносотенно-монархические проповеди протоиерея Восторгова, впоследствии, в 1918 г., расстрелянного за свою контрреволюционную и погромную деятельность, и такие же «поучения» московского митрополита, распутинского ставленника Макария. Но так как эти проповеди было выпускать не совсем удобно, церковное издательство предпринимает следующее: набранный жирными буквами текст этих монархических речей был забит буквами «ж», «м», и «н». Однако напечатали так, чтобы всякому читателю было не трудно разобраться. Таким образом были достигнуты сразу три цели: во-первых, попы уфимских церквей получили готовые образцы для монархической агитации, во-вторых, напечатанный таким образом текст привлекал внимание и конечно читался со вниманием, и, в-третьих, благодаря этому маневру издательство освобождало себя от всякой ответственности: упомянутые проповеди были «забиты». Этот пример свидетельствует об исключительной живучести церковной контрреволюции и об ее умении и «невинность соблюсти и капитал приобрести».

Монархическая деятельность некоторых иерархов давала поводы к возникновению конфликтов между ними и частью приспособлявшегося к новым условиям духовенства.

Типичный пример дает нам дело таганрогского епископа Иоанна.

Еще до революции он славился как деятель «союза русского народа» и на этом поприще даже сделал себе карьеру. Будучи ректором семинарии в г. Вильно, он был председателем виленского «союза русского народа», прославившегося своей погромной агитацией.

Перед весной 1914 г. епископ Иоанн получил назначение в Таганрог. 30 марта на имя обер-прокурора синода Львова группой духовенства была отправлена докладная записка о его деятельности. Приводим из нее несколько выдержек:

«Мы, нижеподписавшиеся, берем на себя смелость обрисовать деятельность епископа таганрогского Иоанна как в политическом отношении, так и в церковном.

До последних великих русских событий Иоанн, начиная со своего назначения в Таганрог, был верным и усердным учеником победоносцевской школы, придерживаясь крайних «правых» убеждений. Как «союзник» он был покровителем местного отдела «союза русского народа», допуская во время крестных ходов в числе святынь преднесение и знамени этого «союза». Подобно «союзникам» он к личным делам примешивал и свои личные интересы...

Петроградские события... стали известны в Таганроге уже 1 марта, но епископ Иоанн включительно до 6 марта никак и ничем на них не реагировал; даже дипломатично «заболел» в воскресенье 5 марта, чтобы только, вопреки обыкновению, не служить в соборе, а местному духовенству не дал никаких руководственных указаний относительно богослужебной формулы поминовений, в силу чего в разных церквах города и наблюдалась (в субботу и воскресенье 5 марта) разная формула поминовений. Это вызвало среди местного населения возмущение, негодование против духовенства, а епископ Иоанн «болел»... Только уже 6 марта вечером Иоанн впервые собрал в своих покоях исключительно местных священников, коим, не стесняясь, и заявил, что это собрание он созвал не по собственной инициативе, а по требованию рабочих, депутация которых пожелала, притом настойчиво, чтобы духовенство высказалось относительно происходящих событий и выявило свое отношение к новому правительству; епископу Иоанну волей-неволей пришлось признать полное подчинение новому правительству, хотя, несмотря на усиленные требования части священников, он долго не соглашался внести в протокол заседания выражение: «духовенство признает новое правительство как законное»... Затем епископ Иоанн запретил духовенству говорить в церквах проповеди на политические темы данного момента».

Здесь же были указаны и другие факты такого же характера.

По поводу деятельности этого иерарха 23 июня местным советом рабочих депутатов была принята следующая резолюция:

«Пребывание в Таганроге епископа Иоанна нежелательно, как не заслуживающего доверия. Постановление городской думы об ассигновании для содержания епископа 6 000 руб. признать неправильным и подлежащим отмене».

В конце концов по распоряжению Львова для расследования деятельности епископа Иоанна был командирован в Таганрог председатель екатеринославского епархиального комитета протоиерей Кречетович. Был ли от этого какой-либо конкретный результат, нам неизвестно. Из других фактов мы знаем, что синод относился весьма мягко к таким епископам: монархист епископ Федор получил назначение на должность настоятеля Даниловского монастыря.

9

Борьба церкви с рабочим революционным движением и участие в событиях 3—5 июля

Революционная борьба эпохи Февральской революции, эпохи весны — осени 1917 г., дает исторический пример пролетарского руководства революционным движением в целом.

Тов. Ленин указывал, что «только определенный класс, именно городские и вообще фабрично-заводские, промышленные рабочие, в состоянии руководить всей массой трудящихся и эксплоатируемых в борьбе за свержение ига капитала, в ходе самого свержения, в борьбе за удержание и укрепление победы, в деле создания нового, социалистического общественного строя, во всей борьбе за полное уничтожение классов»[1].

Отмечая своеобразие условий революционной борьбы в России, т. Сталин также подчеркивал, что во главе революционного движения шел пролетариат, сплотивший вокруг себя многомиллионное крестьянство.

«Этим между прочим и объясняется тот факт, что буржуазная революция переросла в пролетарскую в сравнительно краткий срок. Гегемония пролетариата была зародышем и переходной ступенью к диктатуре пролетариата»[2].

Передовым, организованным отрядом рабочего класса, его боевым штабом, являлась партия большевиков. Под руководством этого штаба рабочий класс победил своих врагов. Обращаясь к рабочим в первой же из своих статей, написанной после Февральской революции, Ленин говорил о необходимости «проявить чудеса пролетарской и общенародной организации, чтобы подготовить свою победу во втором этапе революции» («Письмо издалека»).

Нужно иметь в виду, что развертывание работы происходило в сложной обстановке. После свержения самодержавия среди широких рабочих кругов господствовали мелкобуржуазные взгляды на политику, значительнейшая часть пролетариата тогда не понимала своих классовых задач.

---

[1] Собр. соч., том XVI, стр. 248.

[2] «Об основах ленинизма». Из сборника «Вопросы ленинизма», стр. 47—48

Большевистская партия, боевой штаб пролетариата, подготовляя победу социалистической революции, выполняла огромную работу по организации и сплочению масс и по разоблачению мелкобуржуазных контрреволюционных иллюзий соглашательства и оборончества. Большевистская партия во главе с т. Лениным изо дня в день разъясняла массам подлинные цели и задачи революционной борьбы. Вот это-то руководство и обеспечило победу революции во втором этапе — победу Октября.

Контрреволюционная «работа» церковников после Февральской революции

В новых условиях классовой борьбы российская православная церковь продолжала выполнять свою историческую миссию, заключавшуюся в том, чтобы служить интересам помещиков, капиталистов, содействовать организации угнетения и эксплоатации.

Переход на новые рельсы совершился, как мы видели, не сразу. В первые дни Февраля православная церковь, как верная опора трона, во многих местах продолжала «работать по-старинке», по традициям прежних лет. Один из солдат, побывав в отпуске, в своем письме Петербургскому совету рабочих и солдатских депутатов требовал высылки попа, поминавшего за обедней Николая и его семью после свержения Романовых с престола.

Таких фактов было немало. Да и после, как говорилось выше, церковники продолжали вести монархическую агитацию. Однако не в этом была основная классовая сущность церковной политики. Для характеристики этой последней наиболее характерна позиция церкви по отношению к росту революционного движения, к классовой борьбе и революционному пробуждению широких рабочих масс.

В своих «Записках революции» меньшевик Н. Суханов сообщает о переговорах, которые велись по вопросу об организации власти между представителями Совета рабочих депутатов и Временным комитетом Государственной думы.

При этих переговорах наряду с Милюковым, Родзянко, Некрасовым и другими представителями буржуазии, выступавшими в защиту «устоев», говорил речь также и В. Львов, впоследствии назначенный обер-прокурором синода.

«Ярко вспоминаю, — рассказывает Суханов, — смешную длинную, лысую, усатую фигуру будущего прокурора Львова, громко, длинно и наивно говорящего речь из своего глубокого кресла. Этот деятель, далекий от политики, но недалекий вообще обыватель, принадлежал в Думе к какой-то правой партии — националистов или земцев-октябристов. Но в первых же словах своей речи он объявил себя республиканцем и говорил об ужасе возможного возврата царизма, лучше которого смерть. Возврат же царизма возможен в результате политики Совета рабочих депутатов и в частности тех преобразований в армии, на которых мы настаивали...».

Указание Суханова, что Львов был «далек от политики», совершенно неправильно. Как ни расценивать личность Львова, он

во всяком случае умел проводить нужную буржуазии линию. Именно потому он был выдвинут на пост «главы церкви». И в данном случае этот будущий кормчий церкви совсем не зря выступил против мер Совета рабочих депутатов, которые должны были укрепить и усилить революционное движение в армии.

После Февральской революции во многих местах произошли аресты попов. Эти факты были вызваны реакционной деятельностью. Так, например в конце марта в селе Тойкино Вятской губ. был арестован поп Ваганов. В связи с этим 6 апреля 1917 г. вятским епископом Никандром была получена такая телеграмма: «Сарапульский уездный исполнительный комитет просит перевести немедленно село Тойкино священника Ваганова ввиду его вредной агитации, сеящей рознь среди населения. Уездный Комиссар Попов».

Вследствие подобных фактов синодом была утверждена особая комиссия «по ограждению достоинства священнослужителей».

Многочисленные церковные организации, всевозможные «братства», «союзы» и т. п., возникшие после Февральской революции, в печатных и устных выступлениях своих членов сплошь и рядом вполне откровенно заявляли о своей общественной позиции.

Типичной организацией такого рода являлся петербургский «союз церковного единения», возникший под покровительством епископа Вениамина, впоследствии упорного врага советской власти, расстрелянного в 1922 г. за борьбу против изъятия церковных ценностей. Один из руководителей этого «союза», проф. Г. Прохоров, излагая программу реакционной деятельности в статье «Народ или отдельные классы», напечатанной во «Всероссийском церковно-общественном вестнике», писал, что «пастырь должен стремиться христианизировать все классы», и вместе с тем отрицательно относиться к диктатуре, «независимо от того, кто начертал ее на своем знамени: капиталист или рабочий, помещик или батрак».

На самом же деле эта программа «христианизации» как-раз и должна была служить целям оглупления масс и их подчинения капиталистам и помещикам.

С первых же дней революции в церковных выступлениях как основной мотив стали звучать призывы против двоевластия. Фактически это были призывы против роста революционного движения и против Советов рабочих и солдатских депутатов. Большевиков попы называли «людьми, забывающими бога и совесть, забывающими правду и родину, злосеющими смуту, соблазн, раздор и недоверие». «Их бойтесь, им не верьте» [1], заявляли церковные агитаторы.

Контрреволюционная и милитаристическая политика Временного правительства вызывала протест масс. После опубликования аннексионистской милюковской ноты от 18 апреля в Ленинграде и Москве произошли массовые демонстрации рабочих и солдат с лозунгами недоверия Временному правительству. Возник правительственный кризис, в результате которого несколько позже

[1] «Материал для церковного учительства». Ст. «Грех старой власти».

образовался новый коалиционный состав правительства с участием меньшевиков и эсеров.

В связи с этим целый ряд наиболее видных церковных деятелей обратился к духовенству с призывами об усилении реакционной работы.

Уфимский епископ Андрей, впоследствии колчаковский прислужник, в своем воззвании «Братие, спасайте родину», опубликованном во многих церковных изданиях, в мае 1917 г. провозглашал:

«... Я не могу молчать, ибо родина моя, святая Русь православная, для меня превыше всего! Вот я и кричу: Братие, пастыри русские, спасайте родину... У нас теперь самое нутро России в непорядке, сами русские люди разделились на «классы», и все эти «классы» ведут «классовую» борьбу, т. е. самую настоящую междоусобную брань.

Но нельзя нам, пастырям, опускать руки. Братие, спасайте ее от всякой междоусобной брани!!.. Смело возвысьте ваш голос среди всего беспорядка нашей жизни, объединяйте вокруг себя всех верующих, а союз этих верующих спасет Россию».

Как видим, «самую большую опасность» епископ Андрей видит в «разделении на классы», в том, что трудящиеся массы в городе и деревне осознавали свои революционные цели и стремились к ним. Актуальную задачу попов епископ видит в том, чтобы тормозить революционную борьбу.

Церковные съезды принимали резолюции и постановления об усилении поповской реакционной работы.

Эту деятельность буржуазная печать ценила и поощряла. По поводу воззвания епископа Андрея «Новое время» поместило статью о необходимости оживления религиозной деятельности среди масс.

«... Провозгласите истинное духовное веропонимание. Оставьте мертвое научение... Внесите слово господне, библию, в русскую семью. Совершите духовное возрождение вашей церкви, и тогда массы народные вновь прихлынут в совершенно опустелые двери церковные»[1].

В качестве благодарного материала контрреволюционная пресса рекомендовала попам использовать известные «труды» митрополита Филарета.

Для буржуазии и помещиков церковная деятельность была конечно весьма важна, актуальна и необходима.

Богослужение, проповедь и печать на службе реакции

Как и всегда, классовый характер религиозной работы довольно ярко можно видеть на примере соответствующих мероприятий по линии богослужебного аппарата и агитации как устной, так и в печати.

Выше было указано, что по распоряжению синода после Фев-

[1] Цитирую по «Всероссийскому церковно-общественному вестнику».

ральской революции (правда, с «необходимым» запозданием) монархические молебствия были отменены и заменены молитвами о «благоверном Временном правительстве». Этим дело не ограничилось.

Как типичный пример следует отметить директивы, данные московским попам в мае 1917 г. Соответствующие инструкции за № 1077 были подписаны епископом Иосафом, управляющим московской епархией, и посланы консистории. При опубликовании было указано: «духовенству московской епархии для сведения и исполнения».

«В настоящее тревожное время,— говорилось в документе,— когда в сердцах некоторых людей, угнетаемых трудностями переживаемого времени, зарождаются немиролюбие, человеконенавистничество, озлобленность и другие дикие страсти, нахожу благовременным возносить в церквах усиленные молитвы об утверждении между христианами братолюбия и искоренении ненависти. Поэтому прошу консисторию рекомендовать отцам настоятелям церквей епархии на божественной литургии сугубой ектении прибавлять прошения по перейскому молитвослову «об умножении любви и искоренении ненависти».

Значение директив вполне определенно. Сам же епископ Иосаф пишет, что «в настоящие тревожные дни», то-есть ввиду роста революционного движения, особенно необходимы «усиленные молитвы об утверждении братолюбия и искоренении ненависти».

Попы, видите ли, заботятся об «умалении» классовой борьбы, о том, чтобы рабочий «любил» капиталиста, а крестьянин — помещика. И это как-раз в то время, когда от классовой сознательности трудящихся, от скорого роста этой сознательности зависело существование эксплоататорского строя.

Церковная ложь и обман, классовый обман, выступают вполне рельефно. Впоследствии, после июльских событий, по распоряжению руководящих церковных кругов было установлено особое «молебное пение о спасении державы российския и утолении в ней раздоров и нестроений».

В этом молении особенно типична была последняя молитва. Ее построение и текст тоже свидетельствуют, каким искусным орудием массового гипноза и агитации являлись православные молитвы. Вначале говорилось, что молящиеся «припадают» к христу с сокрушенным сердцем и исповедуют перед ним свои «грехи и беззакония», которыми они «обидели» господа. Под «грехами и беззакониями» нужно было понимать участие в революционном движении. Против этих-то «грехов» и направлялись церковные стрелы.

Разве не любопытен следующий возглас:

«...Утоли шатания и раздоры в земле нашей, отжени от нас зависть и рвения, убийства и пьянства, разжжения и соблазны, попали в сердцах наших всяку нечистоту, вражду и злобу, да паки вси возлюбим друг друга и едино пребудем в тебе, господи, владыке нашем, яко же повелел еси и заповедал еси нам».

После этого следовали такие слова:

«Вразуми и укрепи всех, иже во власти суть... Силою креста

твоего укрепи христолюбивое воинство наше и избави их от всякого навета вражьего. Воздвигни нам мужей силы и разума и даждь всем нам духа премудрости и страха божия, духа кротости и благочестия».

В этой молитве программа контрреволюции: тут и ложь по отношению к революционным событиям и все, что угодно господам Милюковым и Рябушинским, вплоть до требования капиталистической диктатуры («Воздвигни нам мужей силы и разума»).

Директивные указания о характере устной проповеди тоже свидетельствуют, что церковное руководство и буржуазия стремились использовать попов в максимальном масштабе.

«На приходских собраниях,— писал доцент Н. Протасов,— священнику дана полная возможность чисто политической, общественной деятельности, здесь может он подготовлять и к учредительному собранию и к земским выборам, воспитать в пасомых чувство гражданского долга и ответственности перед родиной» [1].

В каком направлении попы должны были действовать,— дело понятное.

Церковная пресса, как периодическая, так и непериодическая, издавна служила целям реакционной агитации. Теперь в этом направлении тоже был предпринят ряд мер. Издательским советом при синоде и «обществом религиозно-нравственного просвещения» было издано большое количество соответствующих листков под общим названием «Истина и свобода». Отдельные заголовки были таковы: «Родина в опасности», «Христианство и социальный вопрос», «Об учредительном собрании», «Господи, спаси нас,— погибаем», «В единении — сила, а в братстве — спасение», «Берегитесь алчности», «Долг любви» и т. д. и т. д.

В главной церковной газете — «Всероссийский церковно-общественный вестник» (№ 49 за 1917 г.) в качестве «общедоступной литературы по современным вопросам» были рекомендованы издания партии народной свободы», партии буржуазии.

В этой же газете был заведен особый политический отдел, в котором сообщалось о текущих событиях, помещались обзоры программ разных партий и печатались беседы «о свободе», об учредительном собрании, о государственном строе капиталистических государств и т. д. и т. д. Тут печатали всякую ложь и реакционные призывы.

На «всероссийском съезде духовенства и мирян» было принято решение «об издании народной газеты христианского направления». В соответствии с этим с июля 1917 г. в газете «Всероссийский церковно-общественный вестник» помещали особую страницу — «Народная беседа».

Прямое назначение ее — сеять ложь и обман.

Петербургский церковно-епархиальный собор, состоявшийся в июле 1917 г., вопросу издания церковно-контрреволюционной литературы тоже уделил свое внимание. Была признана необходимость «широкого издательства по вопросам момента». Решили ассигновать на это дело 10 000 руб.

[1] «Всероссийский церковно-общественный вестник» № 52, ст. «Проповедь и современность».

Попытки церковников поставить «работу» среди рабочих

В процессе многообразной контрреволюционной деятельности православное духовенство сочло нужным улучшить постановку своей «работы» среди рабочих. По этим вопросам появились статьи в церковной прессе, на собраниях и съездах церковные ораторы говорили о необходимости «разрушить стену между духовенством и рабочим классом».

Действительный смысл подобной политики церковников заключался в стремлении приспособиться к новым условиям классовой борьбы. В этот период подготовки к Октябрьской революции с каждым днем росло и крепло влияние рабочего класса и его партии — партии большевиков. События текущей жизни показывали широким массам правильность большевистской позиции. В такой обстановке по традициям зубатовщины попы стремились укрепить свое разлагающее влияние на рабочие массы и превратить рабочих в послушных овец.

5 апреля на собраниях киевского религиозно-просветительного общества обсуждался вопрос о формах такой деятельности. Соответствующий доклад был прочитан самим митрополитом Владимиром, известным покровителем черносотенного движения. Владимир заявил, что социальный вопрос должен занять очень видное место в церковной проповеди.

По докладу выступили проф. Зеньковский, проф. П. Кудрявцев и другие лакеи поповщины. Последний из них заявил, что крайне важно итти к рабочим с проповедью по социальному вопросу. Кудрявцев выразил опасение, что с этой миссией духовенство опоздало, так как среди рабочих существует отрицательное отношение к церковникам, ввиду их прежней политической роли. Рабочие высказывались против участия церковников в похоронах жертв революции.

«В связи с этим, — сообщил Кудрявцев, — в газете было напечатано стихотворение, где были такие строки:

... «этой насыпи могильной
Нужна едва ли ваша дань...
Не к месту здесь ни дым кадильный,
Ни риз тяжелых златоткань.
Когда, алея павших кровью,
Блеснул предтечный луч зари,—
Скажите: их ли славословью
Вы посвящали тропари?
Скажите: вы во дни раздора
Благословляли чьи мечи?
И слово гневного укора
От вас слыхали ль палачи?»

Процитировав эти стихи, Кудрявцев сказал:

«На мой взгляд в этих словах определенно чувствуется сила. К сожалению не сила любви, и если не сила ненависти, то сила возмущения. Во всяком случае не сила притяжения, а сила от-

талкивания. Вот эта-то сила стоит на пути между духовенством и рабочим классом, мешая слову первого проникнуть к сердцу второго. Нельзя не признать, что это делает положение духовенства в настоящее время очень трудным».

В конечном счете вывод был тот, что духовенству нужно «уравнять путь от сердца духовенства к сердцу рабочего класса».

Любопытна позиция епископа Серафима. После праздника 1 мая 1917 г. он обратился к московским попам с открытым письмом. В этом письме он выразил сожаление, что духовенство не приняло никакого участия в пролетарском празднике.

«Всею душою скорбим мы,— писал епископ Серафим,— что церковь в Москве осталась сегодня совершенно безучастною к народному торжеству. Храмы почти все заперты... А народ ликует, радуется... Какая, повидимому, глубокая пропасть между нами и народом, паствою нашею... Нам следовало бы быть в храмах, чтобы душою слиться с теми, кто ныне празднует, и торжественным богослужением и звоном колоколов показать, что мы действительно сочувствуем той свободе, которая провозглашена в великие мартовские дни... Если бы сегодня утром, когда двинулись народные процессии к священному Кремлю, по всем храмам московским раздался бы торжественный благовест к божественной литургии, это по преимуществу была бы священная евхаристия, жертва благодарения народа русского за блага свободы и братства и вместе жертва умилостивления за грехи наши в прошлом».

Письмо это — типичный памятник церковных стремлений. Епископ Серафим сожалеет, что между церковниками и трудящимися «повидимому» существует пропасть. Выход из положения, по его мнению, в том, чтобы в своеобразной форме «принять участие» в революционном празднике.

Удалось ли церковникам добиться каких-либо «положительных результатов» в этом направлении?

На основании сообщений прессы надо дать отрицательный ответ. Мало-мальски удовлетворительно поставить свою работу среди рабочих церковники не могли, несмотря на поддержку меньшевиков. Кое-где попы участвовали в революционных похоронах, кое-где обходили фабрики и заводы, в некоторых местах даже служили молебны «об укреплении свобод» в присутствии рабочих.

Поп Шаповалов в «Южном крае» сообщал, что 9 мая для рабочих паровозостроительного завода он служил панихиду «о павших борцах». Тут же были знамена: «Да здравствует великая русская революция», «Да здравствует социал-демократическая партия», «Да здравствует Учредительное собрание», «Вечная память борцам за свободу» и т. д.

После молебна присутствующие прикладывались ко кресту «под звуки марсельезы». Отсюда мы можем видеть, что в ряде мест меньшевики выступали совместно с половщиной.

Несколько позже тот же поп Шаповалов в день «пресвятыя троицы» для служащих Балашевской железной дороги отслужил панихиду и молебен «об укреплении завоеванных свобод». В своем отчете он сообщал, что при этом господствовало «революционно-религиозное настроение».

По поводу этих поповских попыток руководящая церковная пресса заявляла, что «особенно дороги» подобные факты ввиду роста революционного движения. И тут же выражалась надежда, что «религиозное отрезвление» будет способствовать успеху церковной реакционной деятельности.

Расчеты церковников были разбиты жизнью. Несмотря на всяческие ухищрения попов, рабочие своим классовым чутьем без труда разбирались в действительной сущности поповской работы.

А большевистская партия и устно и печатно день за днем разоблачала поповщину, вскрывая ее контрреволюционную сущность и связь ее с кадетами, эсерами и меньшевиками.

На многих свечных заводах весной и летом 1917 г. возникали конфликты между поповскими правлениями, с одной стороны, и рабочими — с другой.

Пытаясь поставить работу среди рабочих, церковники одновременно клеветали на них. Так, например, 29 июня 1917 г. церковная печать заявляла, что на фабриках господствует «полная дезорганизация» и что рабочие якобы поставили «нашу промышленность в тяжелое положение, близкое к банкротству» [1].

В ряде городов церковники пробовали пролезть в Советы рабочих и солдатских депутатов. Псковским епархиальным съездом была принята следующая резолюция:

«Участие духовенства как членов в Советах крестьянских, рабочих и солдатских депутатов признается желательным, так как в эти Советы входят лица различных политических партий, часто враждебных, и священник, как проповедник любви, братства, равенства и мира, не может быть там лишним».

План неплох, что и говорить! Духовные пастыри и здесь рассчитывали вести реакционную агитацию и кроме того исполнять роль «примирителей».

Со стороны пролетарской части Советов подобные тенденции никакого сочувствия, как видно из материалов эпохи, в общем не встречали. Наоборот, некоторыми советами были приняты решения об ограничении поповской деятельности.

Фатежский уездный исполнительный комитет 28 мая постановил:

«Воспретить священнослужителям означенного уезда говорить с церковного амвона поучения на политические темы».

Начиная с апреля между Советами рабочих и солдатских депутатов и духовенством возникают конфликты. Так было например в Житомире, Воронеже, Харькове, Казани и т. д. В Житомире, на съезде духовенства и мирян волынской епархии, произошел в связи с этим инцидент, после которого Совет солдатских депутатов и Исполнительный комитет рабочих депутатов отозвали своих представителей со съезда. Этот же съезд, высказавшись за «демократизацию жизни», одновременно возбудил ходатайство об оставлении черносотенного епископа Евлогия на Волыни, хотя Исполнительный комитет рабочих депутатов признал необходи-

---

[1] «Всероссийский церковно-общественный вестник» № 59 за 1917 г., ст. «Политическое обозрение».

мым удаление Евлогия как видного деятеля «союза русского народа» и погромщика.

В Казани местный «союз пастырей» организовал издательство черносотенной и погромной литературы. Подобные листки раздавались на улице представителями духовенства. Один из них, на тему «Что значит отделение церкви от государства», отпечатанный в количестве 10 тыс. экземпляров, был местным Советом рабочих и солдатских депутатов запрещен к распространению и конфискован.

Харьковским советом было принято решение об удалении архиепископа Антония из пределов епархии в трехдневный срок. Мотивировка — контрреволюционная и антисемитская деятельность Антония. В Воронеже дело дошло до того, что местный архиепископ Тихон (не будущий патриарх, а другой) был даже арестован Советом рабочих и солдатских депутатов и отправлен в Ленинград.

Отношение духовенства к социализму

В период первой революции и последовавшей реакции попами была развернута широкая борьба против социализма: было издано значительное количество руководящей литературы, для попов устраивали специальные циклы лекций, в поповских учебных заведениях были введены соответствующие циклы предметов, среди населения велась антисоциалистическая агитация. Попы изображали социализм как «исчадие ада», как «знамение антихриста» и т. д. и т. п. В церковной литературе сплошь и рядом говорилось, что между христианством, и социализмом нет и не может быть ничего общего.

После Февральской революции положение изменилось. Сохранять прежние открыто черносотенные позиции, в духе прославившейся Почаевской лавры, было нельзя. Организация борьбы против социализма и соответствующая агитация церковников протекают теперь уже в новых формах, на несколько иных позициях. Различные церковные группировки, начиная от «союза прогрессивно-демократического духовенства» и вплоть до Восторговых и Айвазовых (прежние «столпы» черной сотни), свою деятельность такого рода организовали по-разному.

В руководящей церковной прессе по вопросу о классовой позиции духовенства указывалось, что «отстаивать устои государственного порядка и общественности, охлаждать страсти, смягчать классовый эгоизм — это такое дело, о котором никто не может сказать, что им не следует заниматься пастырю»[1].

В этих словах социальная роль церкви высказана довольно отчетливо.

Большой интерес представляет полемика, возникшая в апреле 1917 г. между попом Александром Введенским и проф. Прохоровым. Первый из них являлся одним из основателей «союза прогрессивного духовенства», объединившего либеральных попов, ко-

[1] «Всероссийский церковно-общественный вестник» № 37 за 1917 г.

торые поддерживали связь с народными социалистами, эсерами и меньшевиками, а второй вместе с епископом Вениамином руководил «союзом церковного единения», куда входили наиболее реакционные круги петербургского духовенства.

«В социализме, как таковом,— писал Введенский,— в основном принципе социализма, нет ничего противного христианству». Дополнительно к этому утверждению Введенский заявлял, что социализм «не враг христианства, а друг, идейный брат». В заключение говорилось:

«Я бы хотел обратить самое серьезное внимание всех христиан на колоссальное значение экономического вопроса. Отмахнуться — слишком конечно просто. Надо вырвать из рук материалистической разновидности социализма то оружие, которым оно думает поразить христианство. У нас тот же принцип — равномерное распределение благ земных, но иной метод — нравственное воздействие».

Из этого можно видеть, что Введенский и ему подобные желали проводить политику «христианского социализма». По примеру своих католических собратьев на Западе они надевали на себя «социалистическую» личину и в такой маскировке служили капиталистам. Последние строки недвусмысленно свидетельствуют, что господа Введенские были против революционных методов борьбы: вместо этого они рекомендовали весьма полезный для эксплоататоров выход, а именно — систему «нравственного воздействия»[1].

Возражая Введенскому, Прохоров написал статью на эту же тему. Ее содержание можно видеть по следующему абзацу:

«...Если социализм стремится к тому, чтобы господство одного класса заменить диктатурой другого, то вряд ли это может быть оправдано идеями справедливости, и едва ли оно согласуется с заветами христа, учившего подставлять и другую щеку тому, кто ударил в одну. Христианство призывает не к борьбе, не к насилию, не к диктатуре одного класса над другим, а к единению, к братской любви. Не насилие, с точки зрения христианства, должно создать братство, а христианская любовь... Здесь все предоставляется слову убеждения и добровольных уступок. Разница в приемах, или, как выражается о. Введенский, в методах христианства и социализма,— большая»[2].

Вывод несложный. «Почтенный» профессор рекомендовал вместо борьбы «подставлять и другую щеку, если ударят в одну».

В конечном счете из содержания полемики видно, что, в то время как «демократические и прогрессивные» попы считали нужным рядиться под «религиозных социалистов», их собратья из другого лагеря считали целесообразным открыто выступать против социализма.

Причина различной тактики заключалась в том, что «прогрессивные» и «демократические» попы выражали в этом вопросе

---

[1] О деятельности «прогрессивного» духовенства в 1917 г. и об отношении к нему социал-предателей есть материал в сборнике «Меньшевистская контрреволюция, подготовка интервенции и церковь», стр. 112—134.

[2] «Всероссийский церковно-общественный вестник» № 11 за 1917 г.

мелкобуржуазные стремления, а профессор Прохоров со своими соратниками защищал точку зрения помещиков и буржуазии.

Приведенные примеры говорят, что в общем, по существу, и Прохоровы и Введенские были противниками революционной пролетарской борьбы.

В местной церковной прессе систематически велась соответствующая агитация:

«Обещание свободы, равенства и братства,— заявляли попы,— под прикрытием которых социализм начал свои действия, всегда приводило к противоположным следствиям: деспотизму, безначалию, бесчеловечию и варварству. На протяжении всей истории своего существования социализм ознаменовал себя бесчисленными злодействами и всякого рода неистовствами как над отдельными лицами, так и над целыми обществами»[1].

Эта ложь была обычной для поповской прессы.

Для руководства попов в местной церковной прессе постоянно рекомендовали использовать литературу эпохи реакции, изданную «против социализма». Так, например в апрельском номере «Таврического церковно-общественного вестника» был напечатан длинный список подобных изданий, и в том числе указаны произведения П. Восторгова, Л. Тихомирова, Айвазова, Саблера и др.[2].

На всероссийском миссионерском съезде, состоявшемся в конце июля — начале августа 1917 г., были поставлены вопросы «о борьбе с социализмом и неверием».

Церковный отчет сообщал, что классовую борьбу духовные пастыри признали «выражением антихристианского человеконенавистничества». Что же касается капиталистической эксплоатации, то такие порядки, по словам попов, соответствуют «христианской морали».

Выпады против социализма весьма часто совмещались с антисемитской агитацией. Поповствующий проф. Н. Боголюбский на страницах «Московского церковного голоса» сообщал, что в Москве на одном из церковных собраний, «говоря о необходимости борьбы с социализмом, оратор прибавил к этому, что необходимо бороться и с еврейством»[3].

Фактов такого рода было конечно немало. Свое старое погромное орудие, орудие контрреволюции — антисемитскую агитацию, попы продолжали использовать и в новых условиях.

Что же касается классового смысла попыток «левого» духовенства «соединить» социализм и христианство, то это стремление было вызвано желанием реформировать систему религиозного обмана масс и создать новые, более утонченные формы обмана.

Разоблачая попытки такого рода, Ленин писал:

«...Именно потому, что всякая религиозная идея, всякая идея о всяком боженьке, всякое кокетничание даже с боженькой есть невыразимейшая мерзость, особенно терпимо (а часто даже доброжелательно) встречаемая демократической буржуазией,— имен-

[1] Журнал «Сеятель» № 5–6 за 1917 г., стр. 425.

[2] «Таврический церковно-общественный вестник» № 11—12 за 1917 г., стр. 286—288.

[3] № 5 за 1917 г., стр. 3.

поэтому это самая опасная мерзость, самая гнусная «зараза». Миллион грехов, пакостей, насилий и зараз физических гораздо легче раскрываются толпой и потому гораздо менее опасны, чем тонкая, духовная, приодетая в самые нарядные костюмы идея боженьки» (письмо к Горькому).

Участие церкви в борьбе против большевиков и в событиях 3—5 июля

Особенно ярко проявила себя церковь в связи с июльскими днями. 4 и 5 июля рабочие и солдаты Ленинграда (Петрограда) вышли на улицу с протестом против Временного правительства, обслуживавшего интересы помещиков и капиталистов. Демонстрация носила мирный характер и выявила желание масс о переходе власти к Советам рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. Буржуазия объявила, что организаторами демонстрации являются «германские агенты» — большевики, в Ленинград были вызваны контрреволюционные войска, редакция «Правды» и ее типография были разгромлены. Временное правительство распорядилось разоружить революционные полки. Был произведен ряд обысков и арестов большевиков. В течение июльских дней массы трудящихся наглядно убедились в предательстве меньшевиков и эсеров, и в итоге влияние большевиков стало быстро крепнуть.

В обращении петроградской общегородской конференции большевиков «Ко всем трудящимся, ко всем рабочим и солдатам Петрограда», опубликованном в № 2 газеты «Рабочий и солдат», в характеристике текущих событий, говорилось:

«Обыски и разгромы, аресты и побои, истязания и убийства, закрытие газет и организаций, разоружение рабочих и расформирование полков, роспуск финляндского сейма, стеснение свобод и восстановление смертной казни, разгул громил и контрразведчиков, ложь и грязная клевета — все это с молчаливого согласия эсеров и меньшевиков; таковы первые шаги контрреволюции».

Какую же роль играла церковь в июльские дни, и как откликнулось духовенство на борьбу буржуазии и ее прислужников с пролетариатом и его партией?

Еще задолго до июльских событий церковные организации участвовали в общем буржуазном фронте борьбы с большевиками. Попы писали, что большевизм «неизбежно приведет в яму»[1]. По адресу большевиков употребляли всякие ругательные эпитеты. В июне 1917 г. был Всероссийский съезд советов рабочих и солдатских депутатов. После этого съезда в целях клеветы и контрреволюционной агитации церковная пресса печатала лживую информацию о выступлении большевиков на съезде.

В дни июльских событий церковники помогали контрреволюционерам расстреливать рабочих. Об одном из таких фактов, имевшем место 4 июля, в меньшевистско-эсеровских «Известиях» сообщалось:

---

[1] «Всероссийский церковно-общественный вестник» № 16 за 1917 г.

«На углу Литейного и Фурштадтской стоял пулемет на крыше одного дома и во время паники обстреливал толпу... На Садовой улице шла 60-тысячная толпа рабочих многих заводов. В то время, как они проходили мимо церкви, раздался звон с колокольни, и, как бы по сигналу, с крыш домов началась стрельба ружейная и пулеметная. Когда толпа рабочих бросилась на другую сторону улицы, то с крыш противоположной стороны тоже началась стрельба. В одном из домов найдены два пулемета, несколько бомбометов и много винтовок»[1].

Таким образом, по признанию «Известий», колокольный звон был использован как сигнал для провокаторских выстрелов, для убийства рабочих и солдат.

Церковный фронт был целиком направлен против рабочих. Проповеди в церквах, распространение лживых слухов, участие в организации контрреволюционных демонстраций, официальное выступление синода на стороне контрреволюции, благословение черного террора — все это было откликами церкви на расправу буржуазии с революционными рабочими и крестьянами в солдатских шинелях.

Прежде всего церковный аппарат был использован для распространения лживых слухов о характере революционного выступления и для гнусной клеветы о «связи» большевиков с германским штабом.

Приведем несколько примеров:

9 июля «Всероссийский церковно-общественный вестник» заявлял, что большевики «находились в сношениях с посредниками германского правительства и выполняли их программу, получая, повидимому, на это немалые средства». Далее указывалось, что «кучки большевиков, засев в частных домах, продолжали 7 июля обстреливать проходящие войска и толпу обывателей»[2]. В следующем номере этой газеты говорилось, что «стрельба на улицах Петрограда была вызвана несомненно германской провокацией»[3].

Подобно буржуазным писакам «святые отцы» не стеснялись никакими средствами. Они лгали без всякого стеснения.

«Работа изменников и предателей, — поучали в церквах попы, — получающих немецкие деньги и называющих себя большевиками, принесла свои плоды. Своими лживыми речами они развратили некоторые части армии на фронте и дали возможность немцам нанести нам жестокое поражение...

Россию продали те, кто обещал народу всяческие блага и призывал мириться с немцами. На самом деле эти люди просто хотели разрушить армию, чтобы легче было немцам победить нас»[4].

«Вооруженные люди, — читаем в одном из церковных листков по поводу июльских событий, — стреляли, как безумные, налево и направо, стреляли в женщин, в безоружную толпу»[5].

---

[1] Цитирую по книге К. Шелавина — «Очерки русской революции 1917 г». стр 157.
[2] № 64, стр. 4, ст. «Политическое обозрение».
[3] № 65, стр. 4, ст. «Политическое обозрение».
[4] «Народная беседа» № 2 за 1917 г.
[5] Листовка «Свобода и любовь».

Широко разливая мутные потоки лжи и клеветы, церковники стремились помочь буржуазии и социал-предателям окончательно расправиться с партией пролетариата.

13 июля синодом было опубликовано особое обращение «к чадам всероссийской православной церкви и всем гражданам российской державы». В этом послании по адресу большевиков указывалось: «к нам проник злой враг и посеял на Руси плевелы, которые не замедлили дать всходы, заглушающие ростки желанной свободы».

Характеризуя борьбу рабочих и крестьян со своими угнетателями, синод заявлял: «хищения, грабежи, разбои, насилия и обострившаяся партийная политическая борьба стали достоянием нашей новой жизни и поселили в народе озлобление и рознь, повлекшие за собой внутреннюю братоубийственную войну, и кровопролитие... Страна пошла по пути гибели, а в будущем ее ждет та страшная бездна, которая заполнена для всех нас ужасающим отчаянием, если только не прекратится смятение».

Далее синодальное послание призывало трудящихся покаяться в своих «грехах», заключающихся в борьбе с угнетателями, а тем, кто откажется, синод угрожал «гневом божьим».

В этом же послании были даны весьма недвусмысленные указания православному духовенству на необходимость усилить контрреволюционную работу:

«Архипастыри и пастыри церкви российской! Исполните и вы свой долг перед изнемогающей в распрях страной. Зовите народ к молитве и сердечному покаянию. Научите, назидайте, убеждайте, особливо разделяющих, да не осквернят они совесть свою злобой и не наполняют мерзостями жаждущую истинной свободы страну; умоляйте вашим словом граждан, да возлюбят они братство святое, да отдадут силы и труд благу страдающей родины. Напоминайте всем завет божественного слова и здравого разума человеческого, что только в единении сила»[1].

Это послание попы читали населению во всех церквах, причем в деревнях его оглашали в воскресные и праздничные дни, когда крестьянство посещало церковь в большом количестве.

В связи с погребением казаков 15 июля, превращенным буржуазией в контрреволюционную демонстрацию, духовенство выступило в полной солидарности с реакцией. По поручению синода в организации демонстрации принял участие архиепископ Платон, организовавший впоследствии, по сообщению монархиста Шульгина, в Одессе священные отряды «из уголовных элементов для борьбы с большевиками».

В своей речи, произнесенной 15 июля 1917 г. в Исаакиевском соборе, Платон заявил, что смерть казаков, убитых при нападении на рабочих, есть «смерть славная, смерть геройская, смерть долга, смерть, как следствие неудержимых движений благородной души человека».

«Слава и благодарение богу, — говорил Платон, — что в наши дни бывает такая смерть. Можно еще жить, если есть люди, мо-

[1] «Церковные ведомости» № 30 за 1917 г.

гущие так умирать. Смерть эта — верный показатель духовной мощи и крепости народа. Свеж еще сок в народном организме, — жив и живуч тот народ, из среды которого выходят добровольцы на такую смерть.

Таких имею добровольцев, таких славных детей России, героев долга мы и провожаем ныне в вечность. С любовью и гордостью взираем мы на эти бренные их остатки, дающие нам знать, что и в нашей среде есть еще люди, беспредельно любящие родину и беззаветно преданные своему долгу».

И далее он говорил, что казаки являются «мучениками за родину, за ее счастье, за светлое будущее», что они погибли по завету христа «за други своя» и получат за это «царство небесное».

Со стороны церковников не приходится удивляться никакой лжи и никакому лицемерию. Все же надо отдать справедливость митрополиту Платону, что он был талантливым лицемером и искусным специалистом по обману.

В этой церковной церемонии приняли участие и министры-«социалисты» во главе с Керенским.

В виде отклика на июльские события духовенством было издано значительное количество листков. Какой характер носила эта литература, можно видеть по статьям «Народной беседы». В этих статьях большевиков называли «немецкими приспешниками», «предателями», «изменниками» и т. д. В статье «Нужна сильная и мудрая власть» говорилось, что «главари большевиков были в сношениях с германскими агентами и получали от них денежки».

В таком духе велась церковная агитация.

10

Борьба с крестьянским революционным движением

История крестьянского движения при самодержавии на каждом своем этапе свидетельствует, что в лице церкви трудящееся крестьянство неизменно встречало враждебную организацию, защищавшую интересы помещиков.

Такая роль церкви определялась ее общей классовой позицией, а также тем обстоятельством, что церковь была крупнейшим помещиком. К Февральской революции 1917 г. церквам, монастырям и духовенству принадлежало в общем около 4 млн. га земельных владений. Опыт революции 1905 г. выявил полную солидарность помещичьей и церковной контрреволюций. В те дни словом и делом духовенство помогало царскому правительству в разгроме крестьянского революционного движения.

Классовая позиция церковного руководства в борьбе крестьян с помещиками

Политика Временного правительства в аграрном вопросе вполне соответствовала общей классовой позиции приказчиков эксплоататорских классов. В известном «воззвании Временного правительства по земельному вопросу» от 21 апреля указывалось, что «вопрос земельный может решить окончательно и правильно только Учредительное собрание». Содержание воззвания предлагало крестьянам воздержаться от всяких более или менее решительных мер по отношению к помещикам.

«Большая беда грозит нашей родине, — взывали ставленники буржуазии и помещиков, — если население на местах, не дожидаясь решения Учредительного собрания, само возьмется за немедленное переустройство земельного строя».

Под предлогом «подождать Учредительного собрания» проводилась политика отстаивания интересов дворян-помещиков. Временное правительство конечно не ограничивалось словами. Крестьянские выступления против помещиков (захваты земли, покосов и т. д.) как при Львове, так и при Керенском неизменно вызывали репрессии. Крестьян заставляли возвращать захвачен-

ное у помещиков, руководителей движения арестовывали, сажали в тюрьмы, подвергали различным наказаниям. Во всем этом меньшевики и эсеры поддерживали правительство.

Только большевики указывали крестьянству правильный, революционный путь. Разоблачая контрреволюционную аграрную политику Временного правительства, как правительства фабрикантов и помещиков, в статье «Земля — крестьянам» т. Сталин писал:

«Мы обращаемся поэтому к крестьянам, ко всей крестьянской бедноте всей России — взять свое дело в свои собственные руки и двинуть его вперед.

Мы призываем их организоваться в революционные крестьянские комитеты (волостные, уездные и пр.) и, забрав через них помещичьи земли, самовольно обрабатывать их организованным порядком.

Мы призываем сделать это немедля, не дожидаясь Учредительного собрания и не обращая внимания на реакционные министерские запрещения, ставящие палки под колеса революции...

Политика выжидания и откладывания до Учредительного собрания, политика «временного» отказа от конфискации, рекомендуемая народниками, трудовиками и меньшевиками, политика лавирования между классами (как бы кого не обидеть!) и постыдного топтания на месте — не есть политика революционного пролетариата.

Победоносное шествие русской революции отметет ее, как позорный хлам, угодный и выгодный лишь врагам революции»[1].

Православная церковь на этом участке классовой борьбы всемерно помогала помещикам. Крупнейший помещик, церковь считала нужным всеми мерами и средствами отстаивать свои эксплоататорские права и интересы господ.

В декларации «всероссийского съезда духовенства и мирян» от 12 июня говорилось: «Всякие самоуправные действия к отнятию монастырских, церковных и частновладельческих земель и вод, а равно все меры к затруднению и ограничению пользования ими, решительно осуждаем, как увеличивающие губящую страну смуту».

Несколько позже в Москве собрался чрезвычайный епархиальный съезд московской епархии. Съезд признал необходимым обратиться к крестьянам с особым воззванием, призывая их к прекращению земельных захватов. Чтобы воззвание имело успех, решили опубликовать это обращение «от имени крестьян — членов съезда». Среди членов съезда было несколько кулаков. Составить воззвание поручили преподавателю московской духовной семинарии М. И. Струженцову, и вечером 26 июля епархиальный съезд утвердил обращение.

Здесь были такие призывы:

«Наше великое отечество, собранное тысячелетним трудом, потом и кровью предков, гибнет ныне главным образом от своеволия и бесчиния. Гибнет от того, что слишком многие, забыв

---

[1] «Правда» № 32 за 1917 г.

бога и совесть, думают только о себе, сделают, что хотят, и не желают признавать над собой никакого закона и ничьей власти...

Умоляем вас, братья-крестьяне! Если не хотите быть под немцем, не увеличивайте смуты. Не поднимайте руки на чужое, а поднимающего удерживайте. Поймите, что всякий, кто в такое время решается на насильственный захват чужого имущества и заводит новую смуту, становится пособником немцу, действует заодно с врагом родной земли...

Братья... Скажем себе и другим: конец самоуправствам, насилиям и захватам. Не только сами не будем, но и другим не дадим нарушать порядок и законность, без которых нельзя спасти страны. Тогда и бог нас благословит, и с благодарностью будут вспоминать о нас потомки наши, для которых мы сохраним от врага долгожданные землю и волю».

В протоколах съезда говорится, что «собрание предназначило это обращение к широкому распространению среди сельского населения Московской губ. через напечатание на страницах «Московского церковного голоса» и отдельными листками для раздачи по приходам».

Группа кулаков-церковников подписала обращение[1].

Если просматривать протоколы других церковных съездов, то можно видеть, что духовенство повсеместно выступало против революционного решения аграрного вопроса.

Руководящая церковная пресса, как центральная, так и местная, уделяла большое внимание этому вопросу. Были напечатаны сотни статей на темы «Передел земли», «Крестьянство и земельный вопрос», «Земля и воля» и т. д. и т. п.

Во всей этой литературе делались многочисленные попытки «доказать», что революционные выступления крестьян против помещиков «недопустимы» и «приносят вред». В качестве доводов широко использовались фальшивые статистические данные, материалы буржуазной прессы и всевозможные тексты из «священного писания».

Весь этот арсенал использовался для защиты эксплоататорских стремлений светских и церковных помещиков. В статьях, тезисах и конспектах местному сельскому духовенству рекомендовалось выступать для «успокоения» крестьянской массы.

В литературе такого рода церковники сплошь и рядом «принципиально» соглашались на «передачу земли народу»; при этом однако неизменно говорилось о необходимости «подождать Учредительного собрания». Какие только доводы не рекомендовались использовать сельским попам для агитации! Предлагали говорить, что «самовольный захват приводит к сокращению посевной площади», «создает благоприятную почву для контрреволюции», «поможет немцам», «принесет вред государству», «вызовет голод и т. д. и т. д.

---

[1] Отсюда можно видеть, что помещичье-церковные вожделения довольно ловко были прикрыты крестьянскими именами.

Рассказы крестьян о поповских выступлениях в защиту помещичьей собственности

Материалы тех дней (отчеты, корреспонденции в периодической прессе, воспоминания очевидцев) свидетельствуют, что сельское духовенство активно проводило общую линию аграрной контрреволюции. Правда, не во всех местностях, не во всех пунктах развития аграрного движения религиозная контрреволюция действовала одинаково активно. Нужно помнить, что открытая борьба против крестьянства была для попов чревата весьма неприятными последствиями; но важно одно: во всяком случае более или менее открыто церковники были на стороне помещиков.

Какой характер имели поповские выступления, лучше всего можно видеть по воспоминаниям крестьян.

О крестьянском движении в б. Алешинской волости Брянского уезда Орловской губ. крестьянин Савченков рассказывает:

«Землю попов, которые оседло жили по приходам, мало забирали; что же касается земли церковной, которой было тысячи десятин, то ее крестьяне забирали, так как эту землю крестьяне уклали своими трудами и трудовыми рублями, уплачивая попам и монахам аренду за нее.

Были и такие случаи, что попы выступали против захвата крестьянами помещичьих земель и церковной Спасо-Грабовской дачи. Выступил например поп Соболев, который эту землю держал на аренде у других брянских попов с целью большой прибыли. Вот тут-то и попало попам, которые одурманивали «чад грешных» (как попы выражались); крестьяне не послушались поповской болтовни, а делали свое дело, не признавая никаких хитрых шкурницких выдумок»[1].

Выступая в защиту помещичьей собственности, попы одновременно поддерживали кулаков. Крестьянин Грачев сообщает следующие факты о церковной деятельности в б. Молодотудской волости Ржевского уезда Тверской губ.:

«Нередко бывали случаи, что деревня отбирала у богатых крестьян-хуторян землю. Хуторянам, зажиточным кулачкам, не понутру было такое движение крестьян, они всячески старались уладить это: вызывали попа, который читал проповедь, устраивал молебны, стращал загробной жизнью, адом и т. д.

Но никакие выступления священников не могли прекратить движения крестьян.

Крестьяне начинают смотреть на попа, как на присосавшегося паука, имеющего около 30 десятин земли, да еще получающего за молебны с крестьян. Крестьяне отбирают землю у попа, всячески стараются разорить его хозяйство.

Но тут опять получается раскол крестьян на две части: те, которые позажиточнее, имеют порядочно земли и скота, действуют заодно с попом, стоят за попа; другие же, которые видят всю неправду и ложь попа, уверяющего их в загробной жизни,—

[1] Сборник «1917 год в деревне», ст. «Воспоминания крестьян», стр. 50.

бедняки-крестьяне,— стремятся отнять у попа землю и все его имущество, заработанное на лжи и неправде»[1].

Важно отметить, что церковный контрреволюционный фронт имел поддержку со стороны эсеров. Попы помогали эсерам, а эсеры попам.

«Особо интересно отметить,— свидетельствует селькор «Крестьянской газеты» Сергей Денисов,— что крестьяне относились к церковной земле ровно так же, как и к помещичьей,— поповские имения тоже поджигали, и отношение крестьянства к ним стало уже совершенно другое. На них уже смотрели не как на наставителей и руководителей паствы, а как на затемнителей, являющихся орудием помещиков и буржуазии для порабощения крестьянства.

Попы всегда выступали против крестьян с поддержкой помещиков: на собраниях, на сходках и во время службы в церкви, каковую посещали лишь одни старики и старухи, призывали крестьян не противиться воле божьей, говорили все, что буржуазная власть им дана от бога, и стращали крестьян адом кромешным. Крестьяне, особенно молодежь, только посмеивались над попами...

Не все крестьяне одинаково участвовали в движении против помещиков; как уже было сказано выше, участвовали только батраки и бедняки и лучшая часть середняков. Все зажиточные крестьяне были на стороне помещиков, а некоторые из них были подстрекателями к поджогам и разграблению помещичьих усадеб. Этим случаем пользовались, и все барское добро доставалось обыкновенно в их руки.

Были в нашем уезде также эсеры, которые действовали заодно с помещиками и крестьянами, старались внушить, что без буржуазии трудящиеся править государством не могут, что большевики неминуемо погибнут, что волнения нужно прекратить, безвозвратно подчинившись помещику. То же самое говорили и учителя местные, происходящие из поповичей. Эсеров нередко на собраниях крестьяне избивали камнями за то, что они обманывали трудовой народ»[2].

Эти факты имели место в б. Дроздовской (потом Насвинской) волости Великолуцкого уезда Псковской губ. В других местах попы и эсеры тоже действовали единым фронтом и поддерживали друг друга.

В конце концов крестьяне стали разбираться в подлинном классовом смысле поповской деятельности.

Вот факты, сообщенные т. Бобковым из б. Круглянской волости Оршанского уезда Могилевской губ.:

«Священники также были в контакте с помещиками. В нашей заброшенной Белоруссии сильно было религиозное влияние священников, монахов, а больше всего были связаны религией старики, которые боялись греха и божьего наказания, как внушил им священник.

Когда загорелась новая заря в 1917 г. и вся молодежь стала

[1] Сборник «1917 год в деревне», ст. «Воспоминания крестьян», стр. 234.
[2] Там же, стр. 245—246.

громить помещиков и священников, то священники думали, что сломят своим божьим убеждением разгром и революцию. Они ходили и провозглашали: «Чада, повинуйтесь наставникам и учителям вашим, ибо пришел христос на землю изгонять сатану». Многих стариков убедили эти проклятые священники. Они говорили: «Покайтесь, православные христиане, это настает двадцатый век, и настает царство иудейское». Но молодежь, несмотря ни на что, кричит во все горло:

«Долой проклятых кровопийц, долой мироедов всего мира! Да здравствует революция во всем мире, долой гнет и рабство»[1].

Крестьянское движение против церкви

Многочисленные сообщения церковной прессы эпохи весны—осени 1917 г. дают обширнейший материал о крестьянском движении против попов и церкви.

Выше было указано, что целый ряд таких фактов имел место вскоре же после Февральской революции.

«Отовсюду,— писал поп Чельцев,— несутся известия весьма тягостные. Там мужички сходом установили такую низкую плату за требы, что даже самому невзыскательному и малосемейному человеку прожить на нее нельзя. Здесь постановили, чтобы никто из крестьян не шел к духовенству в рабочие — годовые и поденные. В иных местах поденную плату с духовенства назначают столь высокую, что приходится отказываться от полей. А то заходят в отношении духовенства и еще дальше. Начинают отбирать у него поля и запахивают, разделяя между собою, отнимают рабочий скот и хозяйственный инвентарь... Кое-где не оставляют в покое и самих священников: лишают их права совершать богослужения в церкви, выгоняют из церковных квартир, высылают из сел»...[2].

Большое количество подобных явлений имело место на территории Украины. В б. Киевской губ., ввиду массовых крестьянских выступлений против духовенства, этот вопрос специально обсуждался киевским «исполнительным комитетом общественных организаций». По докладу «комиссара по духовным делам» — попа Поспеловского — было признано необходимым «поставить в известность все сельские, местечковые комитеты, чтобы к лицам духовного звания самостоятельных мер не принималось, а в случае необходимости устранить нежелательное лицо духовного звания обращались в исполнительный комитет»[3].

Заслуживает внимания, что в исполнительном комитете разрешение вопроса должно было принадлежать тому же попу Поспеловскому.

Подобные резолюции и обращения оказывали на крестьян очень мало влияния. В конце апреля церковная печать сообщала, что только на одной Волыни за последние две недели составление

[1] Сборник «1917 год в деревне», ст. «Воспоминания крестьян», стр. 149—150.
[2] «Всероссийский церковно-общественный вестник» № 8 за 1917 г., статья «Защитите сельское духовенство».
[3] «Всероссийский церковно-общественный вестник» № 3 за 1917 г.

свыше 60 приговоров об удалении из приходов священников. Факт этот особенно симптоматичен, если вспомнить, что в б. Волынской губ. при царизме сельское духовенство играло руководящую роль в черносотенном движении.

Размах крестьянского антицерковного движения приводил к тому, что например харьковский епархиальный съезд обратился в исполнительный комитет со следующим ходатайством:

«Харьковский чрезвычайный епархиальный съезд духовенства и мирян считает своим долгом обратить особое внимание губернского общественного комитета на продолжающиеся в харьковской епархии кощунства над народными святынями, самочинные и бессудные выступления безответственных лиц и групп против церковных учреждений и духовенства, выражающиеся в требовании к духовным лицам немедленно удалиться без суда и следствия из прихода, в лишении их свободы, предании аресту и заключении в тюрьму, в запрещении им богослужения в храме, в закрытии самых храмов и в запрещении немедленном причтам, церквам и монастырям пользоваться засевом своих полей и доходами от лугов и лесов. Съезд находит, что такие кощунства над святынями и насильственные акты не только являются небезопасными и глубоко уничтожительными для святой церкви и ее служителей, не только разоряют духовенство и повергают его в безвыходное и нищенское положение, не только увеличивают в стране контингент обиженных и недовольных создавшимся укладом жизни, но и подают крайне опасный пример мирному населению, сея в нем элементы анархии, самовластия и насилия. Ища законной, справедливой и действительной защиты от этих актов насилия над церковью, съезд обращается к губернскому общественному комитету как к уполномоченному стражу закона и права с ходатайством о незамедлительном принятии мер к прекращению явлений, недопустимых в правовом государстве».

Из этой резолюции между прочим можно видеть, что крестьянское движение против попов носило характер и экономического движения против церкви, как против помещика, и вместе с тем крестьянство выражало в различных выступлениях свое отношение к попам как агентам враждебных классов.

Со стороны Временного правительства, его местных органов и социал-предателей поповские выступления получали постоянную поддержку. Распоряжение Временного правительства о защите помещичьих владений было широко использовано для «защиты церкви». Совещание членов Гос. думы сочло нужным обратиться с особым посланием к исполнительным комитетам.

Крестьянская борьба против церкви выражалась в самых разнообразных формах. Во многих местах крестьяне назначали таксу на требы, забирали поповские и монастырские покосы, захватывали землю и т. д. В ответ на это поповщина прибегала к соответствующим мерам: вызывала милицию, войска и казаков, крестьян арестовывали и сажали в тюрьмы. Прекратить крестьянское движение всеми этими способами однако не удавалось.

Заключение

Краткое знакомство с фактами из прошлого православной церкви в период весны и лета 1917 г. дает нам возможность притти к ряду выводов для оценки классовой роли православия.

Мы видели, что накануне Февральской революции православная церковь была орудием царского правительства. Перед решающими событиями, выполняя свою историческую роль, церковь делает ряд попыток, чтобы предотвратить революционную грозу и сохранить незыблемым царское иго. Широко развернуть эту работу однако не пришлось, так как самодержавие было скоро низвергнуто.

После перехода власти к буржуазии новые господа стали проводить политику полного приспособления церкви к новым условиям организации господства, угнетения и эксплоатации. Новый обер-прокурор синода, новый «кормчий» церкви, предпринимает ряд мер, чтобы церковь как можно скорее и лучше могла быть использована для оглушения масс в изменившейся обстановке. С этой целью производится «чистка» синода, снимают с руководящих мест наиболее упрямых и непригодных; в конце концов был распущен прежний состав синода и т. д.

Стоит напомнить, что во времена самодержавия представители буржуазии многократно заявляли о «порабощении церкви» царским правительством, по этому поводу проливали «крокодиловы слезы», говорили о необходимости церковного «освобождения», о том, что церковь «не может» и «не должна» играть роль «духовной полиции» самодержавия. Сколько лицемерных воплей и протестов было сказано например по вопросу о связи церкви с черносотенным движением! В те времена такая политика, такие слова, такие лозунги были выгодны для буржуазии в ее классовом стремлении к власти, в ее отношении к царизму.

Но вот произошла перемена декораций. Львовы и Гучковы, Милюковы и Керенские встали у власти. И теперь эти же лица, эти же «критики» православия спешат приспособить церковь для своих целей, для своих классовых вожделений.

Таким образом именно классовые интересы буржуазии определяли ее политику по отношению к религии. Достойно внимания, что те члены Временного правительства, в партийной программе которых (от кадетов до меньшевиков) имелось требование отделения церкви от государства, «забыли» об этом лозунге и, наоборот, проводили политику полного приспособления церкви в целях подчинения масс.

Характерна позиция «социалиста» Керенского. Ведь это он — неудачный «кандидат в Наполеоны», это он — «душка-Керенский», «герой» буржуазии и социал-предателей,— вдохновлял авантюру 18 июня, установил смертную казнь для революционных солдат, это он расшаркивался с попами, благословлял назначение Шавельского начальником военного духовенства, подписывал указы о наградах черносотенным архиереям и осуществлял «трогательный» контакт с мракобесами. Меньшевики и эсеры неизменно поддерживали Керенского.

Классовая позиция самой церкви не менее типична. После крушения «романовской телеги» руководящие круги православия сначала растерялись. Они на время «были выбиты из колеи». Сказывалась сила черносотенных и вековых монархических традиций. Но новые господа церковь как таковую не тронули. И вот происходит любопытный и характернейший процесс приспособления. Черный цвет меняется на бледнорозовый. Вековые способы обмана, оглупления и массового гипноза для целей закабаления миллионов трудового люда — эти церковные способы воздействия — меняют лишь свою форму. «Благочестивейший» Романов слетел с престола,— да здравствует «благоверное Временное правительство». Змея сменила шкуру, но осталась змеей.

Если изучить все основные формы важнейшей работы черного воинства в этот период после Февральской революции, если сопоставить эти формы с той классовой борьбой, которая развернулась тогда,— можно наглядно видеть, что социальная роль церкви всецело соответствовала интересам эксплоататорских классов. Свое классовое назначение церковь выполняла достаточно усердно.

Империалистическая война продолжалась. Попрежнему капитал бросал на поля смерти миллионы людей, умиравших для осуществления грабительских стремлений буржуазии. Церковь помогала организации бойни. Как и прежде, именем несуществующего бога духовенство оправдывало великое преступление истребления трудового человечества, именем божественного произвола старалось укрепить реальный произвол империалистов, наживавших золотую прибыль на крови и страданиях трудящихся. Не зря же перед 18 июля на фронт была вызвана целая плеяда «демократических» попов. Поп был первым помощником офицера. Он стремился сгладить растущие классовые противоречия в армии, он учил солдата быть послушным классовому врагу.

В тылу среди рабочих и крестьянских масс духовенство развивало свою деятельность, чтобы ослабить рост революционного движения. Словом, молитвами, крестными ходами, распространением контрреволюционной литературы — всем, чем можно, черное воинство служило своему богу — капиталистам и помещикам. Попы старались «быть ближе к массам», они пытались даже «наладить работу среди рабочих». Велась оживленнейшая работа, чтобы в новых условиях бытия выполнить историческую миссию службы эксплоататорам.

Но влияние большевиков росло. Массы пробуждались. Расправами, горячим свинцом, потоками крови отвечала буржуазия на

рост революционного движения в городе и деревне. Эту старую систему церковь благословляла и освящала. Вспомним хотя бы, какую роль сыграла церковь в связи с событиями 3—5 июля и в травле большевиков.

2 августа 1917 г. синод принимает особое постановление «о мерах к возвышению в воинских частях и в народе религиозно-нравственного сознания и патриотического долга». Содержание постановления отмечало рост революционного движения в массах как «гибельную смуту». Для борьбы с этой «опасностью» синод рекомендовал организовать кружки «ревнителей», «крестоносные общества», «дружины» и тому подобные религиозные формирования.

Организующим центром религиозной контрреволюции этого периода становится «всероссийский церковный собор», открывший свои занятия с 15 августа 1917 г. и впоследствии сыгравший крупнейшую роль в качестве религиозного центра антисоветского движения. Классовое лицо собора было типично. Руководящую роль выполняли черносотенные архиереи, а «мирянами» были такие лица, как граф Олсуфьев, граф Апраксин, граф Граббе, князья Трубецкие, обер-прокурор синода помещик Самарин и т. д. Вся эта банда являлась по сути дела самым настоящим штабом религиозной контрреволюции. Именно так расценивала собор и буржуазная пресса. «Сам» Керенский присутствовал на его открытии. В приветственных речах вполне откровенно звучали надежды, что собор явится «спасителем» царской России.

Накануне Октябрьской революции собор развивает усиленную деятельность для предотвращения грядущих событий. Заслуживает внимания отношение собора к корниловщине. Это движение началось вскоре после открытия соборных занятий. 8 сентября по приказанию генерала Корнилова на Ленинград были двинуты контреволюционные казачьи части. Корнилов предполагал объявить военную диктатуру. Энергией трудящихся под руководством большевиков это движение было остановлено и ликвидировано.

Из воспоминаний очевидцев и из белогвардейских источников видно, что корниловщина встретила самое сочувственное отношение со стороны. На секретных собраниях обсуждалось, в какой форме оказать содействие контрреволюции. Говорилось о необходимости выступить с соответствующим воззванием, послать иконы Корнилову и т. д. Икона в виде «подкрепления» была послана.

Отсюда можно видеть, что классовая позиция православия в ту эпоху всецело подтверждает ленинское определение религиозных организаций как органов буржуазной реакции, служащих защите эксплоатации и одурманиванию рабочего класса.

Планы буржуазии и церковников осуществлены не были. Приближались дни Октября. Среди рабочих и беднейшего крестьянства наибольший успех получает большевистский лозунг — «Вся власть Советам!» И вскоре в великих боях была решена судьба эксплоататоров.

Оглавление

От автора 3

1. Февральская революция 3

2. Церковь накануне революции 10

3. Духовенство в февральские дни 15

4. Переход на службу к буржуазии и приспособление аппарата . . . 22

5. Взаимоотношения духовенства с Временным правительством и отношение к разным политическим партиям 30

(Присяга министров. Сохранение прежней системы церковного управления. «Чистка» синода. Созыв нового состава. Учреждение министерства исповеданий. Экономическая поддержка Временного правительства. Отношение к политическим партиям.)

6. Организационная работа церковников и их отношение к вопросу об отделении церкви от государства 41

(Развертывание организационной работы и церковные с'езды после Февральской революции, «Всероссийский с'езд духовенства и мирян» в июне 1917 г. Церковные планы по вопросу об отношениях церкви и государства).

7. Обслуживание интересов милитаризма 50

(Приведение солдат к присяге Временному правительству. Милитаристическая деятельность духовенства в тылу, использование богослужения и агитации. С'езды военного духовенства. Наступление 18 июня и церковь. Награды военным попам).

8. Монархическо-черносотенная «работа» весной и летом 1917 г. . . 69

9. Борьба церкви с рабочим революционным движением и участие в событиях 3—5 июля 78

(Контрреволюционная «работа» церковников после Февральской революции. Богослужение, проповедь и печать на службе реакции. Попытки церковников поставить «работу» среди рабочих. Отношение духовенства к социализму. Участие церкви в борьбе против большевиков и в событиях 3—5 июля).

10. Борьба с крестьянским революционным движением 89

(Классовая позиция церковного руководства в борьбе крестьян с помещиками. Рассказы крестьян о поповских выступлениях в защиту помещичьей собственности. Крестьянское движение против церкви).

Заключение 93

ЦС СВБ СССР
Автор Кандидов Борис Павлович
«Церковь и Февральская революция»
ОГИЗ — ГАИЗ — Москва — 1934 г.
Редактор Ф. И. Олещук
Тех. ред. П. М. Кузанян
Сдано в набор 1/XII
Подписано к печати 4/I 1934 г.
62 × 94/16.
Тираж 15 200
Бум. л. 3. Изд. л. 6. Зн. 96 000
Инд. Б —1.Изд. № 244
Уполномоченный Главлита В—65439
18-я тип. треста «Полиграфкнига» Москва, Варгунихина гора, 8,
Зак. 1849

Цена 60 коп.

71

Почтовые заказы направляйте по адресу:
МОСКВА, 64 «КНИГА-ПОЧТОЙ».
Книги высылаются только наложенным платежом (без задатка)

72

2020075482

152